

Эва Гринерс

Графиня Фортескью —
жена фермера

18+

Эва Гринерс
Графиня Фортескью
- жена фермера

«Автор»

2026

Гринерс Э.

Графиня Фортескью - жена фермера / Э. Гринерс — «Автор»,
2026

Последним желанием старой циркачки-наездницы Марины Иванкиной, было снова хоть раз оказаться на коне. Но вместо этого, она очнулась в теле юной графини Эйлин Фортескью. Её новая реальность: обветшалое тexasское ранчо и брак с грубым стариком. Почему семейство аристократов Фортескью избавилось от родной дочери, да еще и приплатило, чтобы этот фермер взял её в жёны? Марине предстоит не только выжить в теле хрупкой Эйлин, но еще и оказаться на коне в прямом и переносном смысле. Хэппи-энд. Без магии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Эва Гринерс

Графиня Фортескью - жена фермера

Глава 1

Я всегда знала, что однажды этот день наступит. Не потому, что он был обведён красным маркером в личном календаре. А потому что он наступает в жизни каждого человека. Момент, который определяет всю твою дальнейшую судьбу.

Я, Марина Сергеевна Иванкина, когда-то «Королева Манежа Марго», а теперь всего лишь незаметная служащая цирка, заканчивала свой привычный, тысячу раз отработанный ритуал.

За окнами цирковой конюшни медленно уходило за горизонт солнце, окрашивая небо в те нежные оттенки увядающих роз, что так похожи на прощальный вздох.

Я наклонилась, чтобы поднять ведро с водой, и поясница отозвалась ноющей болью, ставшей такой привычной. Но я игнорировала её - и не такое переживали. Сколько было этих болей, сколько травм - не счесть, и каждая ноет по-своему. А всё забывается, когда приходишь сюда к этим умным мордам, которые тянутся к тебе приласкаться. Ну и вкусняшку получить, а как же без этого.

Растворив в воде жменьку соли, я протянула руку к карману рабочего халата. Там, завернутое в бумажную салфетку, лежало спелое, сочное яблоко. Не для меня. Для неё.

- Жасмин, моя хорошая, - прошептала я, подходя к стойлу. Старая кобыла, когда-то блиставшая на арене в паре со мной, подняла голову. Её глаза, мудрые и немного потухшие от возраста, встретились с моими. Она была такой же, как я. Списанная. Но не забытая. Для меня - никогда.

- Кушай, моя девочка, - я протянула любимице угощение.

Жасмин осторожно взяла яблоко губами, её мягкая морда ткнулась мне в ладонь. Похрумкав с явным удовольствием, кобыла припала к подсоленной водичке - было жарко.

Я погладила её по крупу, ощущая тепло её тела. Сколько лет мы провели вместе? Четверть века почти! Не шутка.

Цирк был нашим домом, арена - нашим миром, а аплодисменты - нашей музыкой.

- Знаешь, Жасмин, - я прислонилась лбом к её тёплому боку, - сегодня что-то не так. Воздух другой. Будто предвещает что-то. Мне кажется, я устала. Нет, не от работы. И не от тебя, моя золотая, что ты... От чего-то другого... от самой себя, что ли.

Она фыркнула и мотнула головой, будто не совсем была согласна. Лошади всегда были лучшими слушателями. Они не перебивали, не осуждали, просто были рядом, даря молчаливое понимание. Ощущение собственной нужности. И в этом было моё спасение.

Мне часто снились наши былые выступления: вот мы парим над ареной, и сильные ноги Жасмин несут нас, как птиц. А я, блистательная Марго, чувствую себя прекрасной и свободной.

Те времена давно прошли. Теперь моя роль - ухаживать за теми, кто когда-то блистал, за теми, кого списали, как старый реквизит. Но я не жаловалась. Всему ведь своё время и свой срок.

Я прошлась по конюшне, проверила стойла, поправила солому. Каждый уголок этого места был пропитан воспоминаниями. Этот цирк - он был моим миром. Моим раем и моей тюрьмой.

«Марина Сергеевна! - донёсся издалека молодой голос. - Посмотрите наш номер! Минут через двадцать!»

Я усмехнулась. Молодость. Она всегда спешит показать себя, рвется вперед, не зная, что в конце пути её ждёт: незабвенная слава или...

- Да-да-да, ребятки, - крикнула я в ответ, - сейчас подойду! Как раз закончу здесь.

Я взяла щётку и принялась осторожно чистить бок Жасмин, снимая прилипшие опилки и пыль. Одновременно я вела с ней беседы, в основном рассказывая о прошлом. Это было своего рода медитацией, возвращением в счастливые времена. Кобылка внимательно слушала, шевеля ушами.

- Знаешь, Жасмин, как папа впервые привёл меня в цирк? Мне было лет пять, не больше. Я ещё помню, как крепко он держал мою маленькую ручку, чтобы я не потерялась в толпе. Этот запах... его не спутаешь ни с чем. Смесь опилок, терпкого запаха животных, и чего-то неуловимого, манящего - волшебства, наверное. Я даже тогда забыла про мороженое в руке и оно закапало мне все башмачки.

Он до сих пор со мной, этот запах старого цирка. Тот шатёр... выдавший виды, потрёпанный, но внутри - целый мир. Каждый скрип, каждый шорох был частью этого волшебства. Клоуны заставляли хохотать до слёз, факир метал сполохи пламени, и это заставляло меня прижиматься к папе сильнее - было немного страшно.

А когда акробаты взлетели под купол... Боже мой, Жасмин, это было так, будто они касались звёзд. Они парили, кружились, словно невесомые. Хрупкие, как куколки. Я сидела, боясь даже пошевелиться, и знала - я должна быть там, на манеже.

Папа тогда смеялся, глядя на моё восторженное лицо. Он говорил: «Ну, дочка, смотришь, как в сказку попала». А я и попала. В ту самую сказку, из которой потом уже не захотела возвращаться.

Акробатка, конечно, покорила моё сердце и я уже было собиралась шепнуть папе, что буду работать циркачкой, как она. Но зазвучала музыка - нет, не просто музыка, а такой мощный, захватывающий дух марш! - и тут я пропала окончательно!

В круг света, выхваченный из темноты прожекторами, вылетели они... О, это было нечто! Сильные и грациозные лошади в серебряных сбруях, словно вылепленные из света и тени. А на их спинах, высоко-высоко над манежем, царили наездники! Они были будто существа из сказки: мужчина в сияющих камзолах, расшитых золотом, а женщина... Женщина была феей! Её блестящее платье сверкало так, что даже глазам было больно.

Когда они пронеслись мимо, я чувствовала, как ветер от их скорости касался моего лица, и слышала стук копыт - это был ритм какого-то древнего, дикого танца. Они прыгали, кружились, стояли на конях в полный рост, а кони неслись по кругу, как будто по воздуху.

Мое сердце колотилось где-то в горле, а дыхание перехватывало от восторга. В тот момент я поняла, что хочу быть одной из них. Хочу чувствовать этот ветер, слышать этот топот, видеть мир сверху, с грациозной спины коня, и дарить людям эту сказку. Это был не просто день, это было откровение.

Я всегда мечтала стать частью этого мира, Жасмин. И моя мечта сбылась. Я стала частью этого мира, тоже ловила восхищенные взгляды, чувствовала этот ритм сердца, когда весь зал замирал, глядя на мой номер. На наш номер, дорогая. - И я пригладила поседевшую гриву моей красавицы Жасмин.

Как один миг всё пролетело: и успех, и взлёты, и падения... ну ты помнишь, - я рассмеялась сквозь слёзы, - И знаешь, я не жалею ни о чём. Кажется, я прожила счастливую жизнь. Свою. Именно ту, о которой мечтала та маленькая девочка, сидящая на деревянной скамейке и смотрящая на звёзды из дешевых лампочек под брезентовым куполом. Но чего бы я только

не отдала, чтобы опять оказаться в седле. Да хоть и здесь на конюшне поскрипеть подольше, правда? Разговорилась я что-то, видать совсем стара стала...

В этот момент в дверном проёме показалась фигура. Это был Вадим Петрович, старый униформист, с которым мы вместе работали ещё со времён моего дебюта.

- Мариночка Сергеевна, день добрый! Как здоровье? - его голос был хриплым, прокуренным, но по-домашнему тёплым.

Я чуть выпрямилась, кряхтя.

- Да вот, Вадим Петрович, скриплю потихоньку. Куда денешься.

Он махнул рукой, улыбаясь щербатым ртом.

- Эх, Мариночка, прибудняешься! Ты ж как молодая. Я бы и сейчас ух как поухаживал! - и он подмигнул мне белёсыми ресницами.

Я отмахнулась. Этот неуклюжий "флирт" был тоже ритуалом, которому было лет тридцать.

-Чего там, Вадя?

-Молодежь, что номер новый сейчас репетирует, хотят, чтобы ты взглянула. Просили зайти на манеж.

Вадим Петрович кивнул и удалился, а я снова повернулась к Жасмин.

Запах опилок кажется, стал слишком густым. Тяжело дышать. В голове всё кружится. Лошадка, словно почувствовав что-то, нервно топнула копытом.

- Жасмин, что с тобой? - пробормотала я, чувствуя, как мир вокруг начинает плыть. Лошадь заволновалась, прижав уши. Голова её поднялась, и она вдруг встала на дыбы, заржав как-то отчаянно.

«Этого ещё не хватало...» - успела мелькнуть мысль, и тут же всё померкло. Я упала. Тяжёлый удар о грязный пол, звук опрокидывающегося ведра. Резкий, дурманящий запах мокрых опилок ударил в нос. Последнее, что я помнила, это топот копыт Жасмин и её испуганное фырканье.

И всё, темнота.

Я очнулась от того, что прямо в лицо мне плеснули водой. Да от души так, как будто ведро на голову опрокинули. От ощущения песка в носу, ушах, на шее всё нестерпимо чесалось. И запах. Опилки и навоз - это привычно. А вот что это ещё пыльное, с примесью дыма и... как будто керосина? Я приоткрыла глаза. Источник света был тусклым и находился где-то за моей головой.

Первое, что я увидела - это потрескавшийся, тёмный потолок в больших балках, который казался мне совершенно незнакомым. Рядом переступала беспокойно незнакомая мне лошадь. Наученная многолетним опытом, я знала, что она могла случайно или от испуга ударить меня копытом в голову или ещё куда. Я попыталась пошевелиться, чтобы встать.

-Тише, тише, миленькая, - попыталась я проговорить, чтобы успокоить её. Голос был силным и горло саднило, как будто я до этого долго кричала.

Но не это показалось мне странным.

Моё тело... оно словно стало другим. Легким. Чужим. Я попыталась пошевелить рукой и с удивлением обнаружила, что могу сделать это без привычной боли в суставах. Головокружение исчезло. Но адски болела голова, и волосы были липкими на затылке - кажется, я здорово расшиблась. Новая волна паники накрыла меня. Где я, что за незнакомая конюшня? Как я сюда попала?

Внезапно раздался низкий, грубый голос, совсем рядом:

- Вот и очнулась. А то ишь... удумала. Боялся, что откинется прямо посреди конюшни. Не хотелось бы с хозяином объясняться. Несите её в дом. Аккуратнее.

- Думается мне, мистер Оливер не больно-то беспокоится, как и ейный папаша о дочке, раз отдал её нашему старому хрычу, ыхыхых.

- Знай помалкивай, а то без языка останешься, Сай. Держи её, да не лапай, где не положено...

И тут же, словно сквозь вату, я почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватывают меня, поднимают. Я попыталась крикнуть, спросить, но горло было сухим, а из него вырвался лишь хрип. Мой взгляд скользнул по рукам, державшим меня - мужским, сильным, с проступившими венами.

Паника нарастала. Я открыла глаза полностью, силясь сосредоточиться, но всё плыло. Я не узнавала ни лиц вокруг, ни голосов.

И почему у меня ощущение, что моя жизнь, которую я знала, закончилась ровно в тот момент, когда я упала на влажные опилки, раз я всё ещё жива?

Глава 2

Я не открывала глаз. Боль пульсировала где-то глубоко, словно стучала по черепу изнутри. Тело казалось чужим, незнакомым. Я чувствовала, как меня перемещают, как мягкая ткань скользит по коже, а затем - тишина, прерываемая только отдалёнными звуками, которые я не могла разобрать. Голоса. Мужские голоса, грубые, с нотками насмешки, проникали сквозь пелену боли.

- ...смотри, какая хорошенькая вся, - прозвучал один из них, низкий и насмешливый.

- Да уж, нашей Эйлин точно не хватает большого... - начал второй похабно хихикая, но его оборвал третий, более властный и спокойный.

- Хватит. И так девка натерпелась. А хозяин услышит - шею тебе свернёт.

Эти слова, хотя и произнесенные без особой ласки подспудно успокоили меня, как будто дали понять, что в обиду меня этот человек не даст.

Я сделала попытку пошевелиться, однако меня крепко держали. Попыталась открыть глаза, но веки были словно склеены, тяжелые, непослушные. Лишь слабый свет просачивался сквозь них, намекая на существование внешнего мира.

- Ох... - выдохнула я, и этот звук показался мне чужим, хриплым. - Помогите...

- Я бы помог, ох как помог бы, - не унимался тот из голосов, что был противней всех. Он словно раззадоривал себя, - Красотка Эйлин.

Меня охватило внутреннее оцепенение. Может, я сошла с ума, а это санитары? Воспоминания, обрывки мыслей, образы, которые метались в сознании казались совершенно не связанными с происходящим.

- Я... я не она... Не Эйлин, - прошептала я еле слышно, отчаянно пытаюсь ухватиться за хоть какую-то нить реальности. - Я Марина...

- Что она там бормочет? Может, хозяина позвать?

- Заткнитесь, я сам доложу. Всё, кладите на постель.

Раздались удаляющиеся шаги, и я поняла, что меня оставили одну.

Постепенно, очень медленно, веки разлепились. Комната, в которую меня перенесли, была большой и светлой. Потолок в балках, как и на конюшне, только выкрашен в белый цвет. Было чисто и пахло хорошо: свежим бельём и каким-то цветочным мылом.

Вначале всё было расплывчатым, но постепенно детали стали проступать. Огромная кровать, застеленная простынями из плотного, чуть грубоватого, но явно дорогого полотна. Я была уложена на высокие подушки, которые мягко поддерживали мою голову и спину.

Затем мой взгляд упал на зеркало в массивной, старинной раме, украшенной витиеватой резьбой, висящее напротив кровати. В зеркале отражалась совсем другая женщина.

Молодая, практически юная, с копной густых, тёмных волос, которые каскадом спадали на плечи. Лицо её было овальным, с красивыми чертами, бледной кожей, большими, испуганными глазами, которые сейчас смотрели на меня из зеркала с немым вопросом. Я махнула рукой, и девушка в зеркале повторила моё движение. Бред какой-то.

Я в панике осмотрела себя. На мне было простое, но изящное платье из натуральной ткани в мелкий цветочек, скорее похожее на домашний наряд, но всё равно оставляющее впе-

чатление утонченности. Цвет платья был нежным, бледно-голубым. Удивительно, что мне было дело до цвета какого-то там платья, когда я, похоже, сошла с ума.

- Нет... - снова выдохнула я, но теперь этот звук был громче, более отчётливым. - Это не я...

В попытке отвлечься от своего безумия или галлюцинации я стала вертеть головой по сторонам, хотя движения и отдавались дикой болью в затылке.

Рядом с кроватью стоял массивный деревянный комод, гладкий, отполированный до блеска, с резными ножками. На нём - пара свечей в подсвечниках, серебряный гребень и щётка, явно из драгоценного металла. Всё выглядело старым, но ухоженным, будто принадлежало какой-то давно ушедшей эпохе.

У окна, из которого комнату заливал весёленький утренний солнечный свет, стоял туалетный столик. На нём - ещё одно, поменьше, зеркало, в обрамлении витой серебристой рамки, и несколько флаконов из темного стекла. Эти изящные предметы странно контрастировали с ветхостью и самым грубоватым стилем дома.

В углу комнаты - большой дубовый шкаф, дверцы которого были плотно закрыты.

- Эйлин, милая, ты очнулась, - в комнату заглянула женщина. Пожилая, как я. То есть... как та я, как Марина.

Одета она была в простое, но аккуратное платье. Из ткани поглубже, чем моё, а волосы были собраны в тугий пучок. Лицо выражало обеспокоенность и некоторую настороженность.

- Говорила я тебе, что глупость ты затеяла, - начала она разговор со мной, - вот и получилось что. Тебе нужно поесть, - продолжила она, подходя ближе. - Оливер велел принести тебе еды. Он очень беспокоится. То есть рычит, как обычно, но я-то знаю.

- Оливер? - прохрипела я, пытаюсь сфокусировать взгляд на женщине. - Кто...он? И кто вы?

- Ууу, девонька... Я Салли, - мягко ответила женщина, ставя на небольшой столик у кровати поднос. - А Оливер твой супруг, значит. Хозяин наш. Ты упала, милая. Сильно ударила головой. Видать, память поотшибло. Может, доктора позвать?

- Нет! - испуганно воскликнула я. - Доктора не нужно. Я... я просто...

Я снова посмотрела в зеркало на лицо незнакомки. "Я Марина!" - хотелось крикнуть мне отчаянно, но слова застряли в горле.

Я заставила себя приподняться, опираясь на руки. Тело откликнулось болью, но это была уже другая боль, не та, что раньше. Просто как от ушиба, как бывает когда падаешь с лошади на всём ходу. Может, ребро треснуло даже. Это было мне знакомо. Ну хоть что-то здесь знакомо, поэтому даже успокаивало.

Женщина продолжала выжидательно смотреть на меня, а потом вдруг хитровато улыбнулась и подмигнула мне.

-А ты того...не решила ли дурочкой прикинуться? Уж больно похоже.

- У меня просто всё в голове смешалось, когда упала, - выдавила я в ответ, пытаюсь смириться с данной реальностью и говорить естественно. - Голова болит...

Салли кивнула, её взгляд был внимательным, но не подозрительным. Она поставила передо мной миску с чем-то вроде овсянки с маслом и кувшин с водой.

- Поешь, - сказала она. - Это поможет тебе прийти в себя. Оливер будет рад, когда узнает, что ты очнулась. И давай я тебе рану на голове промою, вон аж кровь запеклась.

Я не стала спорить, и подчинилась. Затем Салли удалилась, посоветовав мне "не баловать".

Я посмотрела на еду, потом снова на своё отражение. Что, просто вот начать есть и всё? Не искать своё старое тело и свою старую жизнь? Мне что, приснилось всё - и цирк, и папа, и Жасмин? Вся жизнь приснилась?! Мысли роились в голове, как потревоженные пчёлы.

Не придумав ничего больше, я взяла миску, ложку и стала есть сытную вязкую кашу. А потом запила её подозрительно желтоватой водой. Однако, пить хотелось очень, и я решила не обращать на такие мелочи внимания.

Тишину, в которой я только-только начала находить хрупкое подобие равновесия, разорвал грохот. Дверь с такой силой ударилась о стену, что по комнате пронеслось гулкое эхо, а с потолочных балок посыпалась пыль.

На пороге, почти полностью заполняя собой дверной проем, стоял мужчина. Внутренний голос, который всё ещё был голосом Марины, шепнул без всяких сомнений: Оливер, о котором говорила Салли. Её муж.

Ему было около шестидесяти, и казалось, что он вырублен из той самой, древней, вековой породы, из которой слагаются скалы. Лицо - карта его жизни, дублёная кожа, испещренная глубокими морщинами, которые сбегались к уголкам глаз и рта. Светлые, почти выцветшие на ярком солнце глаза смотрели холодно и колюче из-под густых седых бровей. Крупный нос с горбинкой и жесткая линия рта, почти скрытая под пышными, желтыми от табака, усами, не оставляли сомнений в суровом нраве их обладателя.

Он был одет просто, но эта простота говорила о работе, а не о бедности. Потертая клетчатая рубаша из плотного хлопка была растегнута у ворота, открывая смуглую, жилистую шею. Старые, выцветшие джинсы обтягивали мощные ноги, а высокие кожаные сапоги, покрытые слоем дорожной пыли, казались естественным продолжением его тела. Массивный кожаный ремень с тяжелой серебряной пряжкой довершал образ человека, для которого земля под ногами - это ЕГО земля.

Он не снял свою поношенную ковбойскую шляпу, лишь слегка сдвинул её на затылок, и этот жест был полон снисходительного превосходства. Вся его крепко сбитая фигура с широкими плечами и сильными, мозолистыми руками излучала ауру грубой силы и непререкаемой власти.

Рядом с этим мужчиной, казавшимся частью дикой природы, я вдруг остро ощутила в себе что-то совершенно иное - хрупкость, изящество... благородство даже, которое казалось таким чужеродным в этом мире пыли и пота.

Его голос, низкий и хриплый, как скрип несмазанной телеги, разрезал тишину.

- Надеюсь, вы в добром здравии, мэм.

Слова были вежливыми, но в холодных глазах не было и тени заботы, а уголки губ под пышными усами едва заметно дрогнули в усмешке.

Я неуверенно кивнула, чувствуя, как пересохло во рту.

- Да... спасибо, - едва слышно прошептала я.

Кажется, мой ответ его совершенно не интересовал. Он сделал шаг в комнату, и его огромная фигура, казалось, заполнила всё пространство, вытесняя воздух.

- Рад это слышать, - протянул он с той же скрытой издевкой. - Потому что, при всём моём уважении к вашему благородному семейству, мэм, я не могу позволить вам снова пытаться

бежать. Там, куда вы так стремитесь, вас никто не ждёт. Ещё раз удерёте - и я пожелаю койотам приятного аппетита.

Он помолчал, давая словам впитаться в меня, как яд.

- Я человек слова и соблюдаю договорённости, которые заключил с вашим уважаемым папенькой, - в его голосе прозвучал откровенный сарказм, когда он произнёс последнее слово.
- И я ожидаю, что вы будете соблюдать свою часть. Извольте. Вам всё ясно?

И, не дожидаясь ответа, он с силой впечатал огромный, как молот, кулак в дверной косяк. Дерево жалобно треснуло, и по стене пробежала тонкая паутинка штукатурки.

Я судорожно закивала, вжимая голову в плечи. С этим человеком спорить не хотелось. Да я и не понимала, о чём он толкует. Какой договор? Какой папенька? Но инстинкт самосохранения кричал, что сейчас лучше молчать и соглашаться.

Мой испуганный кивок его, видимо, вполне удовлетворил. Он хмыкнул, презрительно оглядел меня с ног до головы, развернулся на каблуках своих пыльных сапог и зашагал прочь по коридору, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

Тяжёлые шаги ещё долго отдавались гулким эхом в моей гудящей голове.

Глава 3

Два дня я пролежала, словно в вязком киселе. Вспоминала, обмирала, думала, смирялась... Мир сузился до размеров этой комнаты с выцветшими обоями и тяжелой дубовой мебели. Шишка на затылке постепенно сдувалась и уже позволяла думать не морщась при этом.

Салли, кряхтя и охая, появлялась трижды в день с подносом. Она меняла мне повязки, подсовывала бульон, кашу и так же исчезала, спеша по своим делам, оставляя меня наедине с моими мыслями в чужой голове.

На третий день она пришла с охапкой чистого белья и в настроении поболтать.

- Ну вот, уже на человека похожа, - проворчала она, раскладывая простыни на стуле. Звук был таким домашним, таким обыденным, что я невольно улыбнулась.

Салли принялась сноровисто перестилать постель, взбивая подушку так, будто та была ее злейшим врагом.

- Ох, девочка, девочка... - начала она своим скрипучим, но по-своему уютным голосом. - Сколько раз мы с тобой говорили? Я же тебе шептала, как родной, чего тебе не имется, а, Эйлин?

Я молчала, делая вид, что разглядываю узор на потолке. Но каждое ее слово я ловила, как голодная собака - кость. Это была хоть какая-то информация для меня.

- Хозяин наш - золото! Да, постарше...

Тут я не выдержала и мысленно хмыкнула. Постарше? Да он годится мне не то что в отцы - в деды! Если считать по возрасту этого тела. А если по моему... то он мне почти ровесник. От этой мысли по спине пробежал холодок. Как же всё нереально...

- ...зато человек он хороший, основательный. Все в хозяйстве, все в делах. Не пьет, руки не распускает. Живи себе, как у Христа за пазухой. Родители твои, прости Господи, знали, кому дочку отдавали. Графья, тоже мне... Спихнули, откупились - и рады.

Она произнесла это вполголоса, скорее для себя, чем для меня, но я услышала. Спихнули. Не отдали замуж, не выдали по расчету, а именно спихнули. Как ненужный узелок с вещами. И что-то еще промелькнуло в ее словах, что-то, что заставило сердце споткнуться. Будто бы это было не просто избавление, а какая-то сделка с доплатой... с их стороны.

Я осторожно села на кровати, чувствуя, как комната слегка качнулась.

- Салли...

Она обернулась, и в ее выцветших глазах мелькнуло беспокойство.

- Чего тебе, дитя?

- Можно... можно мне выйти во двор? Просто посидеть на крыльце.

Салли удивленно вскинула брови. Она подошла, потрогала мой лоб тыльной стороной ладони - жест, такой знакомый, такой материнский.

- Жара нет. И чего ты меня спрашиваешь, голубушка? Дом-то твой. Хозяйка здесь ты. Иди, конечно, подыши. Только глупостей не делай, как давеча. Воздух он... он лечит.

Салли, кажется, и не ждала ответа. Она кивнула, сложила простыни в аккуратную стопку и исчезла за дверью, оставив за собой легкий запах свежего белья и чуть заметный шлейф дегтярного мыла.

Я медленно поднялась, шагнула к окну. Солнце заливало двор, выхватывая золотом пылинки, кружащиеся в воздухе. За окном виднелась невысокая ограда, отделяющая дом от остальной части ранчо. Я ощупала свою голову - боль утихла, превратившись в едва заметное пульсирование.

Решившись, я вышла. Первый шаг за порог был как удар. Не по голове - по всем чувствам сразу. После прохладной полутьмы дома меня ослепило яростное техасское солнце и окутало густым, сухим зноем. Воздух был настолько плотным, что, казалось, его можно резать ножом. Он пах пылью, раскаленной землей и чем-то горьковато-пряным. Полынь. Точно, это была она. Запах моего детства, когда мы с цирком кочевали по южным степям.

Я прищурилась, давая глазам привыкнуть. Дом, который изнутри казался просто старым, снаружи выглядел призраком бывшего величия. Большой, двухэтажный, с широкой верандой, он явно помнил лучшие времена. Сейчас же белая краска на перилах и колоннах облупилась, свисая тонкими, как папиросная бумага, лоскутами и обнажая серое, истерзанное временем дерево. Одна из ступенек крыльца опасно прогнулась. Оконные ставни висели под разными углами, словно подбитые крылья усталой птицы.

Я подошла к ограде, провела ладонью по шершавому дереву. Оно было нагрето солнцем, и тепло от него приятно передавалось коже. Без особых усилий, привычным движением, я перекинула ногу через широкий верхний брус и села, опустив руки на колени. Спина выпрямилась сама собой, плечи расправились. Я закрыла глаза, подставив лицо солнцу. Лучи ласкали веки, сквозь тонкую кожу просвечивал алый свет. И в этот момент, в этой техасской глуши, на чужом ранчо, в чужом теле, я вдруг почувствовала себя... хорошо. Просто хорошо.

Два дня назад я была в панике. Внутренний голос кричал: "Что происходит? Где я? Кто я?" Теперь же, когда физическая боль отступила, а голова прояснилась, на смену ужасу пришло какое-то странное спокойствие. И даже... принятие? За спиной шелестел ветер в старых эвкалиптах. Вокруг дома простирался двор. Огромный, пыльный, выжженный докрасна. Земля здесь была именно красной, как ржавчина. Кое-где торчали пучки жесткой, седой травы и колючие кустарники, упрямо цепляющиеся за жизнь. Поодаль виднелись хозяйственные постройки: сарай с покосившейся крышей, курятник, еще какие-то навесы. Все выглядело крепким по своей сути, построенным на века, но сейчас отчаянно нуждалось в заботливой руке, в краске, в новых досках. Все кричало об упадке.

Вдалеке послышалось милое, зовущее ржание. Лошади. Мое сердце подпрыгнуло, как будто давно затихший механизм вдруг снова заработал. Оно откликнулось на этот звук, как на призыв давно забытого друга.

В дальнем конце двора стояла конюшня. Большая, длинная, из темного дерева. Та самая, где я очнулась в этой новой, непонятной жизни. И оттуда, вместе с горячим ветром, доносился запах.

Тот самый. Мой родной. Густой, сладковатый дух сена, терпкий аммиачный аромат конского пота и навоза. Запах, который для большинства был бы просто вонью, для меня был эликсиром жизни.

Я пошла туда, не разбирая дороги, спотыкаясь в тонких башмачках о комья сухой земли. Ноги сами несли меня. Я еще не знала, как жить в этом теле, в этом времени, в этом статусе «хозяйки». Я отгоняла мысли о том, как это произошло, почему мое сознание старой циркачки оказалось в теле юной графини. Это было слишком огромно, чтобы осмыслить. Я просто приняла это как данность. Как дождь или смену времен года.

Но сейчас, вдыхая этот до боли знакомый аромат, я впервые за эти дни почувствовала не страх и не растерянность. Я остановилась посреди двора, под этим безжалостным солнцем, и поняла одну простую, ошеломляющую вещь.

Последним моим осознанным желанием там, в старой жизни, когда я, семидесятилетняя старуха, умирала на соломе рядом со своей старой лошадью, было - хоть бы раз еще оказаться верхом.

И вот я здесь. На обветшалом ранчо, посреди выжженной земли, в чужой жизни, замужем за стариком. Но здесь есть конюшня. Здесь пахнет лошадьми.

К своему собственному изумлению, я поняла, что рада. Рада оказаться здесь. Мне здесь... нравится. Эта красная земля, этот запах полыни, это огромное, пустое небо и обещание лошадиного тепла за темными досками конюшни.

И тут же другая мысль, как холодный душ, окатила меня. Муж. Этот старик, который, судя по всему, даже не появлялся в моей - то есть в ее - комнате. Я осмотрела окно. Мое окно. Где же его комната? Явно не здесь. Это хорошо. Но... не придется ли мне с ним спать? Внутренне я скривилась. Ну, уж нет. Я хоть и чувствую себя старухой в этой юной оболочке, но даже я не захочу... такого сомнительного удовольствия. Причем я уже повидала всё: и смерть, и даже кое-что похуже в своей жизни.

А вот этой юной, несчастной Эйлин? Может быть, именно этого она и боялась? Может, именно поэтому она сбежала? Или хотела сбежать? От этого брака, от этого старика, от жизни, которую ей навязали ее же родители? Те, кто не просто продали, а приплатили, чтобы от нее избавиться. Какая дикая, жестокая мысль. Наверное, именно это и заставило ее решиться на отчаянный шаг. Или она просто хотела совсем другой жизни? Жизни, в которой не нужно быть графиней, не нужно выходить замуж за нелюбимого. Жизни, в которой она могла бы... быть собой. Но кто была она? Бывшая графиня, которую "сбагрили" за доплату?

Внезапно мое размышление прервал дикий, тревожный крик. Скрипнула дверь конюшни, и из ее темного проема, словно выпущенная пружина, вылетел конь. Невероятно красивый, вороной, с развевающейся гривой и хвостом. Его глаза были широко раскрыты, в них плясал безумный огонь. Он был необъезжен. Я видела это по его движениям, по дикому, неконтролируемому бегу. За ним, спотыкаясь, выбежал худощавый парень, держа в руке обрывок поводьев. Он поскользнулся, упал, и из его груди вырвался стон. К нему тут же бросились другие работники, что-то крича, пытаясь помочь.

А конь... конь мчался прямо на меня.

Это произошло так быстро, что разум не успел среагировать. Тело действовало само, подчиняясь давним, забытым инстинктам. Инстинктам человека, который провел всю жизнь рядом с этими грациозными, могучими животными. Я спрыгнула с ограды, не думая, не сомневаясь. Метнулась прямо наперерез несущемуся коню. Мой профессиональный взгляд, уже оце-

нил его скорость, траекторию, состояние. Он был в панике, ослеплен ужасом, не видя ничего, кроме дороги вперед.

В следующее мгновение я оказалась прямо перед ним. Сердце колотилось, как бешеное, но внутри я была абсолютно спокойна. Мой голос, гортанный и низкий, вырвался сам собой:
- Воу! Тише, милый, тише!

Рука, совершенно самостоятельно, без моего сознательного решения, взметнулась вверх. Пальцы сомкнулись на развевающейся гриве, а вторая рука потянулась к обрывку поводьев, который хлестал по его шее. Я не тянула, не дергала. Просто ухватила, давая ему понять, что я здесь, я держу. Мое тело двигалось вместе с ним, поглощая его инерцию. Гигантская, темная масса уже готова была встать на дыбы, копыта били в воздух. Одно неловкое движение, и он бы просто растоптал меня. Но я не испугалась. Я смотрела прямо ему в глаза, проникая в его панику, предлагая ему свою силу, свое спокойствие.

- Ну, тише, дружок, тише... - мой голос был низким, мурлыкающим, будто я гладила котенка. Я почувствовала, как под моей ладонью забились его мощные мышцы, как дрожала его шея. - Вот так. Хороший мальчик.

Я медленно, очень медленно, повела его голову в сторону, мягко, но настойчиво. Он закружился на месте, сбитый с толку, его дикий бег превратился в резкие шаги по кругу. Он фыркнул, обдав меня брызгами. Я продолжала говорить с ним, гладить его, не отпуская ни гривы, ни поводьев. Шаг за шагом, круг за кругом, его дыхание стало ровнее, безумие в глазах сменилось замешательством, а потом - странной покорностью.

Когда он, наконец, остановился, тяжело дыша, его бока ходили ходуном, а грива была мокрой от пота. Я стояла рядом, всё так же касаясь его морды, поглаживая по шее. Казалось, прошла целая вечность, хотя на самом деле всё заняло не больше пары минут.

Работники, которые секунду назад склонились над упавшим парнем, теперь стояли, открыв рты. Все до единого. Их глаза были полны такого изумления, такого шока, что я невольно оглянулась, словно за мной стоял кто-то еще, кто и совершил это чудо. Но здесь была только я.

Молча, привычным движением, я передала обрывки поводьев ближайшему из них - высокому, крепкому мужчине с загорелым лицом, который, кажется, был старшим. Он взял их, но продолжал смотреть на меня, не мигая, будто увидел привидение. Я же, погладив коня по влажному лбу - он ткнулся в мою ладонь теплой, мягкой мордой - просто развернулась и пошла к дому.

Шаг. Еще шаг. Возвращаясь к крыльцу, я чувствовала, как адреналин понемногу отпускает, оставляя после себя дрожь в коленях и осознание... Что я только что сделала? Рафинированная юная графиня вдруг с лету умирляет необъезженного, обезумевшего коня?

«А не позволила ли я себе слишком много?» - эта мысль ударила, как обухом по голове. Как объяснить этот инцидент? Что я скажу, когда начнутся вопросы? Как спрятать то, что моя душа циркачки, старой, опытной, пробилась сквозь хрупкую оболочку графини? Я могла испортить всё, что только что начало налаживаться.

Внутри всё похолодело. Этот Техас, это ранчо, эти лошади - они так манили, так обещали покой и свободу. А я, в своей наивности, в своей радости от прикосновения к любимому делу, взяла и выдала себя.

Я остановилась на крыльце, не решаясь войти. Горячий ветер подхватил мой страх и закружил его вокруг. Что теперь будет?

Глава 4

Я сидела на краю кровати, и представляла себя дорогой фарфоровой куклой, забытой в пыльной коробке. Сафьяновые туфельки, изящные и совершенно бесполезные, сиротливо жались друг к другу на полу и мозолили мне глаза. Платье из тонкого батиста, цвета небесной утренней глазури, казалось не одеждой, а какой-то насмешкой, дорогим саваном для той, кем я больше не была. И кем, кажется, никогда не стану.

За окном кипела жизнь. Настоящая, полная запахов: земли, сена и навоза, скрипа кожи и хриплых мужских голосов. Лошадиного ржания. Там, в этом солнечном мареве, был мой мир. Я чувствовала его каждой клеткой, каждой мышцей, истосковавшейся по настоящей работе.

Тело, моё теперь юное и сильное тело, гудело от нерастраченной энергии. Ему хотелось не сидеть на мягких перинах, а вскочить на круп лошади, почувствовать, как ветер треплет волосы, как под ладонями перекачиваются горячие мускулы животного. Хотелось на конюшню, к работягам, в самую гущу этой простой и понятной жизни.

А вместо этого - комната с облупившейся позолотой на мебели и ожидание... Чего? Пустых, как яичная скорлупка, дней.

Я усмехнулась своим мыслям. А может, и правда, спросить? Просто подойти и сказать: «Мистер Браун, сэр, не найдется ли для вашей жены местечка на конюшне? Я неплохо разбираюсь в лошадях». В худшем случае покрутит пальцем у виска. Как говорится, за спрос не бьют в нос. В старой жизни этот принцип не раз спасал меня от голодной смерти. Почему бы ему не сработать в новой?

Мои философские рассуждения были прерваны так бесцеремонно, что я даже подпрыгнула. Дверь распахнулась с грохотом, и на пороге возникла Салли. Лицо её было красным, как перезрелый томат, а в глазах плескался гремучий коктейль из праведного гнева и неподдельного ужаса.

Она молча влетела в комнату и, не находя себе места, принялась делать то, что, видимо, всегда делала в состоянии стресса - наводить порядок там, где он и так был. Её руки, похожие на двух испуганных птичек (довольно упитанных), запорхали по комнате: поправили и без того ровно висящую занавеску, смахнули невидимую пылинку с комода, передвинули шкатулку на полдьюма левее.

- Убиться... Ты же могла убиться! - наконец прошипела она, не оборачиваясь. Голос её дрожал. - Господи всемогущий, девочка, о чём ты только думала? Он же дикий, этот жеребец! Дьявол во плоти, а не конь!

Я молча наблюдала за ней, чувствуя, как внутри зарождается странное, почти веселое любопытство.

- Да и черт бы с ним, с конём этим! - продолжала сокрушаться Салли, резко развернувшись ко мне. - Хотя мистер Оливер за него отвалил столько, что можно было три таких ранчо купить, ну и пусть! Ускакал бы к самому дьяволу, и скатертью дорога! А если бы он тебя... если бы он тебя копытом зашиб? Насмерть? Ты понимаешь, что всем бы нам тогда крышка была? Всем! Хозяин бы нас со свету сжил!

Она всплеснула руками и уставилась на меня так, словно я была призраком. А я, глядя в её испуганные, честные глаза, вдруг подумала совсем о другом. Лошадь стоит целое состояние. А я? Сколько стою я? Эта мысль показалась мне до смешного важной.

- Салли, - тихо позвала я, прерывая её причитания. Она замолчала, удивленно моргнув. - Скажи мне честно... сколько мистеру Оливеру заплатили за меня?

Салли застыла с открытым ртом, будто я спросила её, не собирается ли она ограбить банк.

- Я... дороже стою, чем тот жеребец? - с абсолютно серьёзным видом уточнила я, чуть склонив голову набок. - Просто интересно. На вид животное очень дорогое. Хочется понимать свою цену на этом рынке.

На несколько секунд в комнате повисла оглушительная тишина. Салли смотрела на меня, и её лицо медленно меняло цвет с томатного на свекольный. Она захлопнула рот, потом снова открыла, но не издала ни звука. Казалось, она просто забыла, как говорить.

- Что-о-о? - наконец выдавила она из себя. - Ты... что ты такое несёшь? Язык у тебя отрос, я посмотрю! Какая-то ты... языкастая стала!

Она замахала на меня руками, словно отгоняя нечистую силу, и отвернулась, снова делая вид, что протирает и без того чистое зеркало. Но я видела в отражении её поджатые губы и бегающие глаза. Попала. Точно попала в больное место. Значит, не всё так просто с моей «покупкой».

- Не твоего ума это дело, - буркнула она в сторону.

Она ещё пару раз беспечно провела тряпкой по раме, глубоко вздохнула, собираясь с силами, и наконец повернулась ко мне. Вид у неё был уже не столько сердитый, сколько уставший и обеспокоенный.

- Ладно... - она сдулась, как проколотый шар. - Мистер Браун велел, чтобы ты к ужину вышла. Раз уж скакать по прериям здоровычка хватает.

Она подошла ближе, и её голос упал до заговорщического шёпота.

- Прошу тебя, детка... Будь паинькой, ладно? Он сегодня... что-то не в духе. Мрачнее тучи. Не нарывайся, умоляю. Просто посиди тихо, поешь и иди к себе.

Салли с мольбой заглянула мне в глаза, и я кивнула. А про себя подумала: «Что ж, кажется, вечер перестает быть томным. Пора знакомиться с покупателем поближе».

Добрая и сердитая служанка ушла, погрозив мне пальцем.

Я проводила Салли задумчивым взглядом. Моё тело было здесь, а мысли - далеко, на конюшне, в поле, там, где можно было почувствовать жизнь, а не её имитацию.

Пришло время готовиться к ужину. Я открыла массивный дубовый шкаф, пахнувший старым деревом и вербеной, и оценила содержимое взглядом. Внутри висела целая коллекция. Не так уж много, но каждый наряд был словно сошедший с картинок модных журналов настоящего времени: струящиеся платья из муслина и тафты нежных оттенков, богато расшитые кружевами, несколько более строгих, но элегантных коктейльных нарядов из бархата и шелка. И, что меня особенно зацепило - два совершенно новеньких костюма для верховой езды. Один из коричневого вельвета, второй из винного бархата. Нарядные. Они были идеальны, ни разу не ношены, словно ждали своего часа.

Я взяла одно из платьев в руки, ощущая прохладу шелка. И тут меня осенило. Это же моё «приданое». Всё это изящество, вся эта модная бесполезность. Это то, в чем меня «продали». А старый Браун, как мне уже стало ясно, не горит желанием исполнять супружеские обязанности. Мне ничего не было понятно. Картинка никак не складывалась.

Я крутила в руках тонкую ткань, словно пытаюсь разгадать какой-то шифр, скрытый в узоре. А затем присела к выдвижному ящику с бельём, чтобы рассмотреть. Запустив руку в нежный шелк, я тут же наткнулась на какие-то бумажки. Это были письма. “Эйлин Фортескью, Хилл-Кантри, округ Гиллеспи”

Дверь вновь распахнулась, как обычно, без предупреждения, и на пороге возник Оливер Браун. По-моему, он был в настроении вдосталь покуражиться.

- Я даже сопровожу вас, мэм! - произнёс он, и в его голосе звенела та самая едкая ирония, с которой он, видимо, всегда со мной общался.

Его взгляд скользнул по моей руке, в которой я держала тонкую пачку писем. Он быстро шагнул ко мне и вырвал из рук, сунув их себе за пазуху, не отрывая от меня взгляда. Не прочитав, наверное, на моем лице ничего опасного, он расслабился и иронически согнул руку, предлагая мне идти с ним. Мне было абсолютно наплевать на эти письма - я даже не успела понять, что это такое. Мои мысли были заняты другим.

Я должна была найти аргумент. Что-то, что заставит его увидеть во мне не просто “придаток к деньгам”, а что-то полезное. Сказать, что мне надоело сидеть без дела? Нет, это прозвучит как каприз, а ещё хуже - как желание сбежать. Он тут же запрёт меня в комнате. Мне нужно было что-то, что ударит по его самолюбию, по его гордости. Нет, не то... Что-то, что заставит его задуматься о своей выгоде. Вот.

Мы спустились в столовую. Тяжелый дубовый стол был накрыт на двоих. На большом дубовом столе, грубоватом, но отполированном множеством ужинов, стояли простые, глиняные тарелки и железные кружки. В центре, испуская густой пар и манящий аромат, дымилась огромная чугунная посуда с тушёным кроликом, щедро приправленным травами. Рядом, в отдельной миске, ждали своей очереди рассыпчатые, чуть поджаристые ломтики молодого картофеля, сваренного в мундире и поданного с небольшим количеством топленого масла.

Были здесь и другие немудреные, но сытные блюда: гора золотистого кукурузного хлеба, ещё тёплого, на вид, и большая плоская тарелка с густой фасолевым похлёбкой.

Я следила за хозяином, пока он ел, думая, как бы начать.

- Смотрю на дом, смотрю вокруг, мистер Браун, - начала я, стараясь придать голосу максимально нейтральное, почти наивное выражение, - Видно, что когда-то это ранчо было крепким хозяйством. Процветающим. А что же случилось потом? И неужели тех денег, что дали за меня, не хватило, чтобы поправить дела?

Он медленно отложил вилку, звякнувшую о край тарелки. Его взгляд, обычно насмешливый, теперь стал совершенно нечитаемым. Что сейчас? Запустит в меня стаканом?

Он с силой ударил кулаком по столу - так, что посуда подскочила, и я вздрогнула, но не отступила.

- Ты что это болтать вздумала?! - рявкнул он, и его голос сотряс комнату. Казалось, воздух вокруг нас сгустился, предвещая бурю.

Я посмотрела на него как можно наивнее, склонив голову набок, словно искренне не понимала, в чём дело.

- Вас что-то обидело, сэр? Простите... Я просто подумала, что вы продешевили. Раз деньги за меня не пошли... ну, впрямь, что ли. Или не знаю... - я сделала вид, что теряюсь в словах, но каждое произнесённое мною слово было отточенным клинком.

Его глаза вспыхнули. Он был разъярён.

- Убирайтесь вон в свою комнату! Доешьте там позже! - Он указал на дверь, словно я была незваной дворняжкой.

Моё сердце колотилось где-то в горле, но я не двинулась с места. Внутри меня всё дрожало, но я крепко держалась за эту новую, пока ещё непонятную силу, которая позволяла мне стоять на своём. Я понимала: я попала в болевую точку. Он был взбешён, но мне это придавало какой-то дикой, незнакомой уверенности. Я демонстративно откинулась на неудобную деревянную спинку стула, позволяя себе расслабиться, будто и не было этого яростного рыка.

- И вы даже не хотите меня выслушать? - спросила я, и в моём голосе сквозило такое неподдельное удивление, что он на мгновение замер.

Его лицо было покрасневшим, глаза - свирепыми. Но в них читалось и недоумение. Ему явно было непривычно такое сопротивление. Оливер Браун привык, что при одном его

намёке, при одном повышении голоса, все разбегаются врассыпную. А тут я, эта «безделушка», не отступала.

- Вот это новость! - Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. - У ягнёнка, смотрю, голос прорезался. Ну, что ты хочешь? Что мне тебе теперь объяснять? Ты - лишний рот, лишняя ответственность. А деньги дурные были...каков товар, как говорится, - он махнул рукой, - деньги удачи не принесли.

Я вспомнила того гордого, строптивного жеребца. Он не был предназначен для тяжёлой работы. Он был для скорости, для скачек. Для побед. И тут пазл сложился.

- Вы проигрались на скачках, не так ли? - мой голос стал тише, почти шепотом, но от этого прозвучал ещё убедительнее. - Вы выставили не ту лошадь. А с этой... с той, что стоит у вас в конюшне, вы никак не можете справиться. А вот я могу. И вы не проиграете с этим красавцем, если доверитесь мне, точно вам говорю. Тогда будет на что и поля засеять, и новый скот купить, и дом наконец-то покрасить.

Лицо Оливера Брауна резко побледнело.

- Да как ты смеешь болтать о том, о чем не имеешь понятия, девчонка! - загремел он.

Я поняла, что выбрала совершенно верную тактику. Сейчас надо дать ему отбесноваться, а потом он сам ко мне придёт, чтобы попросить помощи. Даже если он сам сейчас в это и не верит.

Глава 5

Я закрылась в своей комнате, прислонившись спиной к двери, и ждала. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулким стуком в ушах. Я ждала грохота его шагов по лестнице, ждала, что дверь сейчас слетит с петель, и он, разъяренный, как раненый бык, ворвется сюда, чтобы... далее моя фантазия пугливо отказывалась развивать события.

Но ничего не происходило.

Минуты тянулись, густые и медленные. Я отошла от двери и начала мерить шагами комнату. От окна к кровати, от кровати к гардеробу. Туда и обратно. Деревянные половицы тихо скрипели под моими шагами. Я грызла ноготок на мизинце, сама того не замечая. Что он решит? Что он сделает? В его глазах я видела не просто гнев, я видела шок. Удивление от того, что вещь посмела не просто заговорить, а задать вопрос, который ковырнул его ржавой вилкой в ране.

Воздух в комнате, пропитанный ароматом вербены от саше в шкафу, казался мне удушливым. Эта чистота, эта изысканность, эта безмятежность - всё было ложью. Настоящая жизнь была там, за окном. Там, где пахло лошадыми, нагретым сеном и пыльной землей. Там, где мужчины кричали хриплыми голосами, а в воздухе стоял гул тяжелой работы. И я до дрожи, до ломоты в костях хотела быть частью этого.

И тут меня осенило.

Я резко остановилась посреди комнаты. Неважно пока, что он там решает. Важно, к чему буду готова я. Мой взгляд метнулся к резным дверцам гардероба. Я распахнула их с такой силой, что они стукнулись о стену.

Платья. Шелк, батист, тончайшая шерсть. Нежные пастельные тона, изящные кружева, крошечные перламутровые пуговицы. Всё это было насмешкой. Даже два костюма для верховой езды, сшитые из дорогой ткани, с идеальными швами, были всего лишь "реквизитом". В таком можно было грациозно проехать по парковой аллее, но не работать на ранчо. Не чистить стойла, не таскать тюки с сеном, не объезжать диких мустангов или племенных жеребцов, закусив губы от напряжения.

Мне нужна другая одежда. Одежда для жизни, а не для красивой картинки.

- Так-так, что же можно придумать... что же придумать, - прошептала я, проводя рукой по гладкому шелку вечернего платья. Однако, думать мешало внутреннее ликование и предвкушение. Это чувство было сродни тому, что я испытывала в детстве, сбегая из дома, чтобы искупаться в речке с мальчишками. Чувство абсолютной, пьянящей свободы.

"Я не сломлена. Я жива. И я буду жить по-настоящему, даже если для этого придется пойти наперекор всему миру." Мысленно я уже была там, на конюшне. В моих руках были не шелковые ленты, а грубые вожжи. Под ногами не мягкий ковер, а утопанная земля. И я была счастлива.

В этот момент дверь тихо скрипнула, и в комнату проскользнула Салли. Она выглядела так, словно постарела на десять лет за последний час. Лицо серое, руки дрожат, глаза полны ужаса.

- Милая, что же ты наделала... - прошептала она, прикрыв за собой дверь. Её голос был едва слышен. - Он... он как зверь в клетке. Разбил свою любимую кружку о стену, на меня наорал так, что я думала, крыша обвалится. Ходит там, внизу, туда-сюда, молчит и только смотрит так, что кровь в жилах стынет.

Я обернулась к ней, и моё лицо, должно быть, светилось таким безумным восторгом, что Салли отшатнулась.

- Салли, мне нужна твоя помощь, - сказала я быстро и четко, игнорируя её причитания. - Мне нужна одежда. Рабочая.

Она захлопала глазами, не в силах понять, о чем я говорю.

- Какая еще одежда, дитя мое? Сиди тихо, как мышка, молись, чтобы он остыл...

- Нет! - я подошла и взяла её за руки. Мои пальцы были ледяными, но хватка - крепкой. - Ты меня не поняла. Я буду здесь работать. Я заставлю его разрешить мне. И мне нужна одежда. Брюки, рубашка. Что-то, в чем можно двигаться. Достань мне, пожалуйста. Да хоть поношенное. Я всё перешибу на себя.

Салли смотрела на меня, как на сумасшедшую. Она покачала головой, её губы беззвучно шептали что-то вроде «Господи, спаси и сохрани».

- Да где ж я тебе её возьму, голубушка? В чужие мужские штаны нарядиться вздумала? Он тебя убьет...

- Не убьет, - уверенно ответила я. - А достать ты сможешь. У кого-то из работников. Ну подумай, подумай... Я заплачу. У меня тут полно дорогих безделушек.

Она постояла еще с минуту, борясь с собой. В её глазах плескались страх и какая-то странная, робкая искорка восхищения. Наконец она тяжело вздохнула, махнула рукой и, ничего не сказав, выскользнула из комнаты.

Я снова осталась одна. Теперь ожидание было наполнено ещё большим нетерпением. Минут через пятнадцать Салли вернулась. В руках у нее был старый, потёртый саквояж. Она поставила его на пол и, не глядя на меня, пробормотала:

- Вот. Это Себастьяна, - она утёрла глаза, - Оставил, когда уезжал... Делай, что считаешь нужным, только на глаза ему в этом не попадайся, Христом богом молю. И меня не выдавай.

И она снова исчезла.

Я не знала, кто такой Себастьян и почему о нём Салли говорила с таким скорбным выражением лица (сын её, что ли?), и думать об этом не стала, а просто бросилась к саквояжу, как к сундуку с сокровищами. Щелкнули старые замки. Внутри лежали две фланелевые рубашки в клетку - одна красная, другая синяя - и пара джинсов. Джинсы! Настоящие! Даже больше на комбинезон похожи. Я вытащила их, держа на вытянутых руках. Грубая, но честная рабочая ткань. Коричневый, не очень хорошего оттенка деним. Зато фирменная двойная строчка уже присутствовала. Всё это казалось и подарком, и знаком судьбы. Это была даже не одежда. Это был мой манифест. Моя новая свобода и символ новой жизни.

Да, они были мне велики и в поясе, и в длину. Рубашки тоже висели бы мешком. Но это были такие мелочи! Шить и перешивать я умела ещё со своих первых цирковых лет - тогда это была необходимость.

Внутри меня всё пело. Я расстелила на полу покрывало, сбросила на него свою находку, схватила из несессера маленькие ножницы и начала распарывать швы.

Кипучая, лихорадочная деятельность захватила меня целиком. Я распорала внутренние швы на джинсах, чтобы сохранить двойную строчку и расчертила кусочком мыла новые линии, подгоняя их под себя. Перешив за пару часов брюки, взялась за рубашки. С ними возни было больше. Но мне всё равно нужно было себя занять.

Изящная комната превратилась в мастерскую сумасшедшей швеи. А я, в своем тонком хлопковом платье, сидя на полу и орудуя иглой, чувствовала себя не пленницей, а завоевательницей, которая кроит из обрывков старого мира свою новую судьбу.

Когда я наконец надела одну из рубашек - из плотной хлопковой фланели, пахнувшей почти выветрившимся чужим одеколоном, - и подпоясалась узким ремнём, я почти не узнала себя в маленьком зеркальце. Исчезла хрупкая барышня в тонких кружевах. Передо мной стояла... ещё одна другая я. Симбиоз прежней и новой. Более сильная, более решительная. Может быть, даже немного грубоватая, но зато более похожая на "подлинник".

Почувствовав прилив какой-то странной, но приятной энергии, я покрутилась перед зеркалом. Штаны сидели почти идеально, а рубашка, хоть и была широковата в плечах, позволяла свободно двигаться. Я аккуратно сложила "новую" одежду - джинсы, рубашки и пару крепких кожаных ботинок, которые Салли закинула мне позже, - на отдельную полку в гардеробном шкафу. Рядом с ними, как насмешка, сиротливо висели мои бальные платья и корсеты.

Уже стемнело, когда в дверь несмело постучали. Это была Салли. Я метнулась к ней, сердце снова забилося в нетерпении. Я ждала его. Мистера Брауна. Ждала его решения. Каким бы оно ни было, мне хотелось знать его немедленно.

- Ну что? - выдохнула я, едва Салли переступила порог. - Он... он решил? Тебе говорил что-нибудь?

Салли, понурив голову, покачала рукой.

- Да поехал он в город, мисс Эйлин. Наверное, в салун. Уж больно бесноватое у него настроение было. Я даже и подходить не стала.

Я разочарованно вздохнула. В груди что-то сжалось от досады. Так хотелось поскорее узнать, что он задумал, как отреагировал на мои слова. Но, кажется, ему нужно было больше времени, чтобы прийти в себя. И, наверное, успокоиться. Или выпить.

- Ладно, - пробормотала я, стараясь скрыть своё расстройство. - Пусть. Ему нужно время.

Повисла неловкая тишина. Мне нужно было чем-то занять себя, чтобы не думать о нём.

- А... - начала я, пытаюсь подобрать слова, чтобы выведать что-нибудь новенькое, - вестей от Себастьяна давно не было?

Салли вздрогнула, будто я задела больную струну. Её круглое лицо помрачнело.

- Ой, девонька моя, давненько... Хозяин-то наш весь и извелся. Переживает сильно. Как вас тогда... выписали из Англии, так Себастьян и пропал.

Я почувствовала, как по мне пробежала волна холода. "Выписали". Как вещь. Как бумажку. Как будто меня можно было просто "выписать" и отправить сюда, на край света. Внутренне я содрогнулась от этого слова, от его отстраненности и бездушности.

- А что случилось? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

Салли тяжело вздохнула.

- Да что случилось... Хлопнул дверью, как мальчишка, ей-богу. Хотя какой он мальчишка, просто на моих глазах вырос. Он ведь вас и постарше будет. Так, мол, и все. И вестей нет. Письма слал хозяин, телеграммы - всё в пустоту. Он, мол, наш мистер Оливер-то, и злющий такой ходит, потому что по сыну тоскует. Вот и на вас рычит, потому что... - она замялась, опустив взгляд на свои руки, - потому что, как он считает, всё из-за вас закрутилось.

Мозг начал лихорадочно складывать очередной пазл. Значит, я не просто "проданная" невеста, а ещё и причина раздора между отцом и сыном? Эта мысль была неприятна. Я хотела переспросить, что именно она имеет в виду под "всё из-за меня", но тут снизу послышался резкий, грубый рык, прокатившийся по всему дому. За ним последовал грохот, будто кто-то с силой распахнул дверь.

Салли охнула, её глаза расширились от испуга.

- Вернулся! - прошептала она, и, не дожидаясь ни слова от меня, бросилась прочь из комнаты, почти сбив с ног.

Я осталась одна, прислушиваясь к звукам снизу. Сердце снова бешено колотилось. Возможно, прямо сейчас мне предстояло узнать его решение.

Глава 6

Жаркая тexasская ночь давила на плечи, просачиваясь сквозь открытые окна и наполняя дом духотой. Браун ходил внизу, выкрикивая какие-то ругательства и посылая проклятия на чьи-то головы. На мою, скорее всего, тоже.

Каждый звук казался предвестником чего-то неизбежного, каждый шорох заставлял сердце вздрагивать. Я сидела у окна, пытаюсь поймать хоть дуновение ветерка, хотя бы малейшее облегчение от этой липкой, удушающей духоты. Салли не показывалась: наверное, скрылась у себя, чтобы не попасть хозяину под горячую руку. Мне было страшновато ложиться спать, пока там внизу ходило это пьяное чудище, поэтому я выжидала. Мысли об Оливере, о Себастьяне, который так и не вернулся почему-то из-за меня, крутились в голове назойливыми мухами, не давая покоя. Я обхватила колени руками, прижимаясь к ним подбородком, и смотрела в темноту, где едва угадывались силуэты старых дубов. Луна, полная и безмятежная, висела высоко в небе, освещая верхушки деревьев. Но она не могла разогнать мрак в моей душе.

Когда послышались тяжёлые шаги на лестнице, я подскочила. Глухой стук, словно удар тяжелой кувалдой, разорвал ночную тишину. Входная дверь распахнулась с громким скрежетом, заставив меня вздрогнуть и чуть не свалиться со стула.

В проеме маячил тёмный силуэт. Воздух наполнился резким, едким запахом виски, смешанным с несвежим табаком и чем-то кислым, отвратительным. Оливер вошел, спотыкаясь о коврик у порога, и тяжело оперся плечом о дверной косяк, заставляя всю раму заскрипеть в знак протеста. Голова его моталась, как маятник, а глаза медленно сфокусировались на мне, полные какой-то животной, обжигающей злобы.

- А-а-а, ты не спишь, значит, - просипел он, его голос был скрипучим и низким, словно песок, перетираемый камнями. - Вот и прекрасно. Есть у меня к тебе пара слов, женщина.

Я стояла перед ним, чувствуя, как внутри все сжимается в тугую, болезненный узел. Меня пугал этот взгляд, не нравился этот голос, этот смрадный запах от Брауна. Сейчас в нем чувствовалась какая-то особенная, жгучая, обжигающая злоба.

- Мистер Браун, вам, наверное, лучше лечь спать, - сказала я как можно спокойнее, пытаюсь придать голосу уверенности, но предательская дрожь все равно пронзила меня. - Вы устали.

- Устал?! - взревел он, взмахивая рукой, как будто отгоняя невидимую назойливую муху. Его глаза горели каким-то нездоровым огнем, а лицо в свете лампы было пунцовым, отечным, испещренным красноватыми капиллярами, словно карта чьего-то безумия. - Устал я! Знаешь, от чего я устал, Эйлин?! От тебя! От того, что теперь вечно терпеть твоё присутствие нужно! От того, что мой сын... мой Себастьян... из-за тебя, черт бы тебя побрал, из-за тебя он сбежал!

Он сделал шаг ко мне, и я невольно отступила. Лицо его было искажено яростью, глаза налились кровью. Он выглядел так, будто вот-вот бросится на меня.

- Что вы такое говорите, мистер Браун? - в моем голосе появилась твердость, несмотря на страх. - Ваш Себастьян взрослый человек, он сам принимает решения! И не я за них в ответе.

- Взрослый?! - он засмеялся каким-то жутким, хриплым смехом. - Он сбежал, слышишь?! Сбежал, как последний трус, когда нужно было жениться на тебе и спасти ранчо!

Он сделал еще один шаг, и я почувствовала, как моя спина уперлась в стену. Запах виски стал еще резче, оглушая, а его пьяное дыхание обдавало мое лицо горячими, неприятными волнами.

Рука Оливера взметнулась вверх, и я приготовилась к удару, инстинктивно втянув голову в плечи. Однако, Оливер покачнулся, его глаза закатились, и он рухнул на пол, как подрубленное дерево, с тяжелым выдохом.

Я вздрогнула и метнулась в сторону. Секунду назад он был воплощением ярости, а теперь лежал неподвижно, распластавшись на ковре, лишь изредка подергиваясь. Воздух в комнате словно сгустился, тяжелый от запаха алкоголя, его пота и моего собственного страха. Вообще я никогда не была робкого десятка, но тут бы кто угодно испугался.

- Мистер Браун? - тихонько позвала я, склонившись над ним. Никакого ответа. Только неровное, прерывистое дыхание, похожее на хрип. Его лицо было багрово-красным, губы чуть приоткрыты, и по подбородку стекала тонкая струйка слюны. Я осторожно коснулась его лба - горячий, липкий. Дрожаящими пальцами я нащупала пульс на его шее - он был частым.

В голове крутились обрывки медицинских знаний, что я получила от циркового врача, ну и просто за долгую жизнь: горячий лоб, затрудненное дыхание, потеря сознания... Но все это могло быть и от переизбытка виски, особенно после такого скандала и в эту жару. Сколько раз я видела пьяных мужчин, которые валились с ног и храпели до самого утра? Конечно, это просто алкоголь. Он перебрал.

Я попыталась его встряхнуть.

- Мистер Браун! Оливер! Проснитесь!

Ничего. Он даже не пошевелился. Нужно было звать Салли.

Я рванулась к двери, сбежала по лестнице на первый этаж, где находилась комнатка Салли.

- Салли! Салли, проснись! - Я стучала в дверь, почти молотила по ней кулаками.

Салли появилась в дверном проеме, растрепанная, в ночной рубашке, с глазами, полными недоумения. Лунный свет, проникающий сквозь щели в реечных ставнях, падал на ее лицо, делая его бледным, как маска.

- Эйлин? Что случилось? Ты в порядке? Я не спала ещё, только собиралась.

- Он... он упал, Салли, - быстро произнесла я, стараясь говорить спокойно, чтобы не напугать ее еще больше. - Мистер Браун. Он очень пьян, думаю. И лежит в моей комнате. Помоги мне оттащить его в постель.

Салли выпучила глаза.

- Как же это он упал, его ж только бык разве что свалить может, хоть и был бы пьян... - Она явно не обрадовалась перспективе тащить тяжелое пьяное тело. - Хорошо, сейчас. Только оденусь.

Пока она натягивала на себя платье, я вернулась в свою комнату. Оливер так и лежал, занимая почти все пространство. Мне стало даже немного жутко от этой неподвижности. Уж слишком он был спокоен для человека, который только что орал и замахивался.

Через пару минут Салли появилась за моей спиной. Она осторожно подошла к Оливеру, понюхала воздух.

- Ох, Господи, да от него же несёт, как от целой бочки! Ну и набрался.

Вдвоем мы кое-как подхватили его. Он был тяжелым, как деревянная колода, тело не слушалось. Ноги волочились по полу, голова болталась. Мы тащили его, буквально волокли по полу. Он издавал какие-то хрипы, но не приходил в сознание.

Комната Оливера была такой же душной, как и весь дом, но здесь запах виски смешивался с затхлым запахом нечищенной одежды и табака. Беспорядок царил повсюду: рубашки валялись на полу и на стуле, пустые стаканы стояли на прикроватной тумбочке, рядом с тарелками, засиженными мухами. Постель была скомкана, простыни сбиты. И, судя по виду, её не меняли год.

Мы кое-как стянули с Оливера сапоги и пиджак, чтобы хоть немного облегчить ему дыхание, и с огромным трудом закинули его тушу на постель. Он сразу же отвернулся к стене, продолжая издавать эти неприятные хрипы. Салли поправила подушку. Я посмотрела на его лицо - оно все еще было пунцовым. Я снова проверила пульс. Все так же. Частый.

- Ну, что ж, - пробормотала я, скорее себе, чем Салли, - пусть выспится. Утро вечера мудренее. Поспит, протрезвеет, и все будет в порядке.

Мы поправили ему одеяло, насколько это было возможно, учитывая его положение, и я бросила взгляд на раскиданные по комнате вещи. Открывать окна? Вряд ли это сильно поможет в такую духоту. Я решила, что утром Салли все приборет. А пока - пусть он спит.

Сама я не спала до рассвета, ворочаясь в своей постели, прислушиваясь к каждому шороху в доме. Только когда первые лучи солнца пробились сквозь занавески, я забылась коротким, тревожным сном.

Резкий стук в дверь, потом испуганный шепот - вот что вырвало меня из остатков ночного кошмара.

- Эйлин! Эйлин, проснись! Ради Бога, проснись!

Я резко села в постели, сердце колотилось, как птица в клетке. Свет едва пробивался в комнату, придавая стенам и мебели призрачные очертания.

- Салли? Что такое? - Мой голос был хриплым ото сна.

Лицо Салли было бледным, глаза широко распахнуты от ужаса. Она дрожала, и я поняла, что что-то не так. Что-то очень не так.

- Эйлин... это... это мистер Браун... - Она с трудом выговорила слова, едва не плача. - Ему... ему очень плохо! Он не встает! Он... он мычит что-то... и рот... рот у него...

Я мгновенно соскочила с кровати, даже не дожидаясь, пока она закончит. Меня пронзила холодная волна страха, гораздо сильнее, чем то короткое беспокойство ночью. Вчерашняя пьянка... странный пульс...

- Что с ним? - Мой голос был резким, отрезвляющим.

Я схватила халат, накинула его на себя, пока Салли тараторила.

- Он... он лежит... и не двигается. Я подошла разбудить его - встать бы давно пора, а он... он смотрит на меня, а глаза... а рот... он какой-то... съехавший! И он не может говорить! Только мычит!

Мой желудок скрутило. Я побежала, нет, полетела по коридору, едва не споткнувшись. Салли семенила за мной, ее дыхание было прерывистым и паническим.

Дверь в спальню Оливера была приоткрыта. Запах виски все еще витал в воздухе, даже в коридор тянуло. Оливер лежал на спине. И Салли была права. Это было не просто пьяное лицо. Это было что-то другое, нечто ужасное. Левая сторона его лица была перекошена, уголок рта опущен вниз, глаз полуприкрыт. Он пытался что-то сказать, но из его горла вырывались лишь нечленораздельные звуки, похожие на стоны или мычание. Правая сторона его, казалось, была парализована, она лежала на одеяле неестественно вывернутой.

- О, Господи... - выдохнула я, мгновенно осознав. Это был не алкоголь. Это был удар. Инсульт.

Я быстро подошла к кровати, склонилась над ним.

- Мистер Браун, вы меня слышите? - Я говорила громко и четко. Он пытался кивнуть, но его голова лишь немного дернулась.

Я взяла его за правую руку - она была холодной и неподвижной. Попробовала поднять - она сразу же упала, как плеть. Медиком я не была, но, по-моему, это был плохой знак. Очень плохой.

- Салли, - сказала я, поворачиваясь к ней. Мой голос был твердым, паниковать было некогда. - Это инсульт. Ему очень плохо. Нужен доктор. Немедленно.

Салли выглядела еще более напуганной.

- Доктор? Но... но где же мы его сейчас возьмем? Доктор Уильямс...

- Неважно, где! - оборвала я ее. - Нужно послать кого-то в ближайший город. Там врач, надеюсь, найдётся. Быстро, Салли, разбуди кого-нибудь. Пусть седлают лошадь. Скажи, что это срочно!

Салли кивнула, ее лицо было сосредоточенным и испуганным одновременно. Она выскочила из комнаты.

Я осталась одна с Оливером. Он лежал, хрипел, его глаза беспомощно смотрели на меня. В них читались боль и страх, которых я никогда не видела в его обычно надменном взгляде. Мне стало жаль его. Несмотря на все, что он мне наговорил, он был человеком, и, возможно, был при смерти.

Я попыталась положить его на бок, чтобы он не захлебнулся, если его вырвет. С трудом, но мне это удалось. Он застонал, но, кажется, ему стало немного легче дышать. Я взяла одну из его валявшихся рубашек и осторожно вытерла ему рот.

Через несколько минут Салли вернулась, запыхавшаяся.

- Саймон уже седлает коня. Он... он спрашивает, куда именно ехать? В Фредериксберг? Да куда ж ещё-то. Туда час езды на быстрой лошади.

- Салли. Прямо в центр города, там найти любого врача. - Я задумалась. Отправлять одного Сая? Что если он не справится? Что если он что-то перепутает? Что если он не сможет объяснить, а доктор не захочет ехать в нашу глушь с неизвестным ему человеком?

Внезапно в моей голове созрело решение. Единственно верное.

- Знаешь что, Салли, - сказала я, решительно глядя на нее. - Я поеду с Саем.

Салли ахнула.

- Ты? Но, Эйлин, как же...

- Так будет быстрее и надежнее, - перебила я ее. - Я знаю, что говорить доктору, я смогу объяснить, что случилось. И я не успокоюсь, пока не привезу его сюда.

- Ты, Салли, пока я собираюсь, сделай следующее, - быстро проговорила я, уже в своей комнате, доставая свою "новую" одежду. - Во-первых, прибери у него. Открой все окна настежь в доме. Пусть проветрится. Этот запах... - Я поморщилась. - Потом, приготовь горячий бульон для мистера Брауна. Но пока что не давай, только воду аккуратно. Смотри, чтобы не поперхнулся. И еще, не пускай никого к нему. Если кто-то из работников будет спрашивать, скажи, что...спину прихватило. Не нужно им знать пока, а то ещё работу побросают и будут обсуждать целый день.

- Хорошо, Эйлин, - Салли кивнула, ее глаза все еще были полны тревоги, но в них появилась и какая-то решимость. Она понимала серьезность ситуации.

Я быстро переоделась, уже молча. Все распоряжения были отданы, а пустая болтовня, казалось, лишает меня собранности и концентрации на главном.

Спустившись по лестнице, я увидела Саймона, уже готового, с двумя оседланными лошадьми у ворот. Он смотрел на меня с нескрываемым изумлением. Видимо, новость о том, что я еду с ним, дошла до него только сейчас.

- Миссис Эйлин? Вы уверены? - спросил он.

- Уверена, Саймон, - ответила я, забираясь в седло. - Поторопись. Каждая минута на счету.

И мы поскакали. Под звуки конских копыт, уносящих нас в предрассветную степь, я чувствовала себя странно - как будто сейчас всё зависело от меня. И жизнь моего, так называемого, мужа. И вся эта ферма, дом, хозяйство - как будто разом легли на мои плечи. Потому что я сомневалась в том, что мистер Оливер Браун поднимется в ближайшие дни.

Глава 7

Утро только-только пробуждалось, когда мы вылетели из ворот ранчо. Мой конь - чистокровная английская скаковая, нес меня, словно ветер, рядом с ним грохотал тяжелый скакун Сая. Сердце колотилось в груди не столько от бешеной скачки, сколько от беспокойства. Или оттого, что я впервые за всё время здесь мчалась куда-то по делам. Воздух был еще утренним, прохладным, с запахом влажной от росы земли, а в небе заалел первый луч солнца, обещая жаркий день. Мы неслись так с полчаса, почти не разбирая дороги, лишь подчиняясь импульсу и необходимости. Ветер свистел в ушах, трепал волосы, и я пригибалась к шее своего коня, стараясь слиться с ним воедино. Жалела, что не догадалась повязать косынку на лицо, как Сай, и теперь глотаю пыль.

Потом Сай слегка придержал своего жеребца, и я последовала его примеру. Наши лошади перешли на широкую рысь, а затем и на шаг, тяжело вздымая бока. Им тоже нужен был отдых, и мне стало чуть легче дышать. Солнце поднялось выше, заливая золотом холмы, и я наконец смогла оглядеться.

Я всегда представляла себе Техас, как бескрайние, пыльные равнины, где только кактусы и редкие кусты перекасти-поля. Но здесь, в Техасском Хилл-Кантри, всё было совсем иначе.

Вокруг расстилались пологие холмы, покрытые изумрудной зеленью, будто бархатными покрывалами, что мягко перетекали один в другой до самого горизонта. Кое-где виднелись очертания могучих дубов. Их ветви, кажется, были такими старыми, что знали всю историю этих земель. Сквозь зелень пробивались вспышки ярких красок - дикие цветы всех оттенков радуги: лиловые, желтые, оранжевые, красные, они рассыпались по склонам, как щедрые мазки художника. Воздух наполнился сладковатым ароматом этих цветов и терпкой свежестью сосен, которые тоже росли здесь. Слева голубой полоской кое-где мелькала лента реки.

Я смотрела на эти просторы и чувствовала, как внутри что-то отпускает, что-то тяжелое, что накопилось за последние дни и часы. Здесь, среди этой первозданной красоты, проблемы с мистером Брауном казались на миг отстраненными, словно растворялись в чистом утреннем воздухе. Эта красота и простор проникали в самые глубины души, успокаивая и даря какое-то странное чувство свободы.

Я обернулась к Саю, который медленно двигался рядом со мной, его лицо было сосредоточенным, но не тревожным.

- Скажи, Сай, я тут думаю... А почему этот город, куда мы едем, называется Фредериксберг? Я имею в виду, мы же в Америке, в Техасе. А название-то совсем немецкое. Есть в этом какая-то своя история? - мне было по-настоящему любопытно. Он, кажется, удивился вопросу, взглянув на меня рыжевато-золотистыми глазами.

- Да, мэм, конечно, есть. - Он кивнул, почесав затылок, слегка сдвинув шляпу. - Тут, видите ли, история такая... Много-много лет назад, еще до того, как я на свет появился, а уж тем более до вашего приезда... Сюда, в Техас, потянулись немцы. Из Германии то есть. Там у них, слышал, было несладко, земли мало, работы, может, не хватало. Ну, и решили они попытать счастья за океаном.

Он сделал паузу, будто собирая мысли, глядя куда-то вдаль, на горизонт.

- Им обещали тут землю, свободу, новую жизнь. И они приехали. Много их приехало. Семьями, целыми общинами. Они были люди работающие, крепкие. И вот они-то и основали

этот городок, Фредериксберг. Назвали его в честь своего, ну, принца, что ли, там, Фридриха. В честь своего старого дома, можно сказать. И они тут всё сами строили, мэм. Дома каменные, сажали сады, поля пахали. Хоть земля тут и не сахар, но они справились. Поставили свои церкви, свои школы. Они тут даже пиво варят по-своему, как привыкли.

Сай усмехнулся, и в его глазах появилось какое-то уважение, когда он говорил о тех первых переселенцах.

- Так что, видите, мэм, Фредериксберг - это он не просто так назван. Они тут свою маленькую Германию построили. До сих пор много кто на немецком говорит, и обычаи у них свои. Да и выглядят они, надо сказать, тоже... не совсем как все остальные тут. Крепкие, румяные такие, что мужчины, что женщины. И дома у них особенные. Аккуратные, чистые. Как будто они их снаружи моют, ей-богу.

Я слушала его, и в моей голове складывалась целая картина: эти сильные, упорные люди, которые покинули свой дом, чтобы найти здесь новую жизнь. Это было так... по-американски, если можно так сказать. И так близко мне самой, я ведь тоже по сути приехала в чужую страну, чтобы начать всё сначала. Хоть как Эйлин, хоть как Марина.

- Понятно, Саймон. Спасибо, что рассказал. Очень интересно. - Я покосилась на Сая. Он был мужчиной простым, крепким, с мозолистыми руками и добродушным, немного наивным взглядом. Не скажешь по нему, что он любитель долгих рассуждений или глубоких исторических изысканий. Он больше походил на человека земли, привыкшего к тяжелому труду, а не к книгам. Но при этом он так уверенно и подробно рассказывал о Фредериксберге, словно читал лекцию. Это меня заинтриговало.

- Сай, - спросила я его, - ты так хорошо всё это знаешь. Рассказываешь, будто сам там жил сто лет назад и со всеми этими немцами пиво пил. Откуда в тебе столько знаний, а?

Он усмехнулся, снова почесав затылок под шляпой, и поправил поводья.

- Да что там знать-то, мисс Эйлин. Когда малым был, лет, может, шесть-семь мне было, отец возил меня пару лет в школу - мы с другой стороны Фредериксберга жили. Была там у нас одна школа, и учитель из немцев, молодой такой, занятный. Мы, ребяташки, любили его слушать. Он много говорил про их историю, про то, как они сюда пришли, как всё строили. И про Фредериксберг много говорил. Вот я и запомнил.

Он немного помолчал, глядя куда-то вдаль, на холмы.

- А потом учитель уехал куда-то. Говорили, что на Восток. Да и мне уже не до школы стало. Подрос, надо было работать, отцу помогать.

- Может, Себастьян там? В городе? Раз уж мы туда едем, могли бы ему сказать об отце, - мне пришлось это в голову внезапно, однако мысль была определённо здравой.

Сай покачал головой, даже не глядя на меня.

- Нет, мэм. Себастьяна там нет. Я бы знал. Мы с ним дружили, когда я работать на ихнее ранчо нанялся. И сейчас, если бы он там объявился, слухи бы быстро дошли. Он не из тех, кто может незаметно появиться. Нет его там.

Я поняла, что эта ниточка, ведущая к сыну мистера Брауна, оборвалась, так и не начавшись. Значит, нам предстоит столкнуться с последствиями без его помощи.

- Вот ты говоришь, что дружили вы... - осторожно спросила я, - а ты знаешь, почему он уехал? Почему мистер Браун считает, что из-за меня?

Саймон насупился и некоторое время пыхтел непонятно и покрикивал на лошадь. А потом хлестнул поводьями и понёсся вперёд. Ясно-понятно, ответа не будет.

И я поспешила догнать его, пришпорив своего коня.

Мы миновали небольшие, аккуратные поля, где только-только начинали пробиваться к солнцу ростки чего-то зеленого, пейзаж изменился. Вдали показались не привычные для Техаса раскидистые строения с верандами, а что-то совсем иное. Дома стояли плотно друг к другу, с острыми крышами, будто пряничные домики из старых европейских сказок.

Когда мы сбавили темп, и Сай снова перешел на неспешный шаг, я смогла разглядеть всё внимательнее. Моему взору предстало то, чего я никак не ожидала увидеть в сердце Техаса. Фредериксберг был совершенно другим миром. Улицы не были пыльными тропами, а аккуратными, мощеными дорожками, местами выложенными крупным, обтесанным камнем. Это сразу же бросилось в глаза - ощущение ухоженности, порядка, какой-то старинной, основательной красоты.

Утро здесь уже вступило в свои права. Из распахнутых настежь дверей небольших пекарен доносился густой, дразнящий аромат свежеспеченного хлеба и корицы. Мне захотелось спешиться и просто постоять, вдохнуть этот запах, который совсем не вязался с образом пыльного американского захолустья. Из одной такой пекарни вышла дородная женщина в белоснежном фартуке, поправляя на голове платок, и поставила на деревянную скамью у входа плетеную корзину, из которой выглядывали золотистые буханки.

Дома невысокие, чаще всего двухэтажные, они были выстроены из грубого, но прочного камня, а кое-где стены были оштукатурены и выкрашены в мягкие пастельные тона: светло-желтый, нежно-голубой, приглушенный розовый. Кое-где виднелась и характерная для германских построек фахверковая кладка - темные деревянные балки, которые пересекали светлые стены, создавая причудливые узоры. Каждое окно было обрамлено деревянными ставнями, выкрашенными в темно-зеленый или глубокий синий цвет, и многие из них были распахнуты, словно приглашая утро внутрь. На некоторых подоконниках стояли горшки с яркими геранями или пушистыми фуксиями, и эти алые и розовые пятна оживляли строгие фасады.

Во двориках, виднеющихся сквозь кованые или простые деревянные ворота, тоже кипела жизнь. Женщины в простых, но опрятных платьях и передниках развешивали белье на веревках, и оно колыхалось на легком утреннем ветерке. Из-за заборов доносились негромкие голоса, звон посуды, иногда короткий лай собаки или кудахтанье кур. Всё это создавало ощущение уютного, размеренного существования, где каждый день начинается по давно заведенному порядку.

По улицам уже сновали прохожие. Это были мужчины, направляющиеся на работу, и женщины, спешащие по своим утренним делам. Их одежда была более консервативной, чем та, что я ожидала увидеть. Мужчины носили прочные брюки, рубашки из грубого хлопка и широкополые шляпы, но не ковбойские, а скорее европейского образца. Женщины предпочитали длинные юбки, простые блузы, а на головах часто были небольшие чепцы или платки. Многие из них несли плетеные сумки или корзины. Меня поразило, насколько чисто было на улицах. Ни пыли, ни мусора, ни привычного для Техаса ощущения дикости. Здесь всё было словно под линейку, аккуратно и с любовью. Невысокие каменные ограды, увитые диким виноградом или плющом, отделяли палисадники от мостовых. И даже воздух здесь казался каким-то дру-

гим - свежим, прохладным, с примесью запахов свежей выпечки, древесного дыма из печей и распустившихся цветов.

Я повернула голову к Саю, и он, кажется, уловил мое немое удивление. На его лице мелькнула добродушная улыбка, словно он говорил: "Ну, что, мисс Эйлин, говорил я вам?" И я действительно была удивлена. Это место было живым доказательством того, что мир гораздо больше и разнообразнее, чем я себе представляла, и что даже в самом сердце Техаса можно найти уголок старой Европы, где время течет по-своему.

Я настолько увлеклась разглядыванием, что почти забыла о нашей цели. Обернувшись к Саю, я спросила:

- Саймон, ты ведь знаешь, куда ехать? Мы уже близко?

Он мягко натянул поводья, и его лошадь послушно остановилась. Сай кивнул головой в сторону двухэтажного дома чуть впереди, который выделялся среди прочих своей солидностью и некоей строгостью.

- Так мы уже приехали, мэм, - негромко произнес он, указывая подбородком. - Доктор Нойман вот здесь и обитает.

Фасад дома доктора был выполнен из того же серого камня, что и многие другие в городе, но выглядел чуть строже и основательнее. Деревянные ставни на окнах были выкрашены в шоколадный цвет, а у парадной двери висела небольшая, но заметная медная табличка, на которой аккуратным шрифтом было выгравировано: "Доктор Ганс Нойманн. Врач". У входа - аккуратно подстриженные кусты, на квадратных клумбах цвели ровнёхонькими рядами ноготки, мята и шалфей. Я отметила, что все растения лекарственные.

Оставалось надеяться, что доктор окажется дома.

Глава 8

В приёмной доктора меня встретила крупная, ширококостная румяная девушка с таким жизнерадостным и открытым лицом, что я тоже заулыбалась ей в ответ, не смотря на внутреннее напряжение. Её густые светлые волосы были туго убраны в узел на затылке, а голубые, как васильки, глаза смотрели с неподдельным участием.

- Добрый день, мэ, - произнесла она с легким немецким акцентом. - Меня зовут Грета. Чем могу помочь?

Сама приёмная была воплощением порядка и чистоты. Стены, обшитые тёмными деревянными панелями, казалось, были натёрты подсолнечным маслом. Вдоль одной стены стоял массивный шкаф со стеклянными дверцами, за которыми виднелись ровные ряды пузырьков и баночек с латинскими надписями. На полу, натертом до блеска, лежал дорогой на вид коврик - яркий и с богатым узором. Воздух был пропитан едва уловимым ароматом карболки, мяты и чего-то еще, терпкого и лекарственного. Единственным звуком было мерное тиканье высоких напольных часов в углу.

- Мне срочно нужен доктор Нойман, - торопясь, сказала я девушке-секретарю. - Это вопрос жизни и смерти.

Грета сочувственно качнула головой, и её улыбка немного померкла.

- Мне очень жаль, мэ, но доктор сейчас завтракает. Это его время. Но я, конечно, доложу о вас. Одну минуточку.

Она скрылась за тяжелой дубовой дверью, ведущей, по-видимому, в жилую часть дома. Я осталась одна, нервно сжимая руки. Тиканье часов отдавалось гулкими ударами в моей голове. Каждая секунда казалась вечностью.

Через пару минут девушка вернулась. На её лице было написано искреннее сожаление.

- Доктор просил передать, что примет вас, как только закончит свой завтрак. Пожалуйста, присаживайтесь.

Я опустилась на жесткий стул, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения. Ещё и ждать... Прошла минута, затем десять, двадцать... полчаса. Из жилой части дома не доносилось ни единого звука. Словно там, за этой дверью, время остановилось, подчиняясь неспешному утреннему ритуалу доктора, в то время как для меня оно несло с бешеной скоростью.

Грета несколько раз выходила в приёмную под разными предлогами, сочувственно поглядывая в мою сторону. Наконец, она не выдержала, подошла и присела на стул рядом со мной.

- У вас что-то серьезное? - тихо спросила она.

Я кивнула.

- Да, у...у моего мужа, мистера Брауна, ночью случился удар... он может умереть. Он в очень плохом состоянии.

Лицо Греты вытянулось. Она приложила руку ко рту, её голубые глаза наполнились неподдельным ужасом.

- О, Господи... Но я ничего не могу сделать. Доктор... он очень придерживается своего расписания. Он считает, что порядок во всём - залог здоровья и долголетия. Если я его прерву, будет только хуже. Он очень рассердится и может назло отказаться помогать.

Она замолчала, кусая губы и о чем-то напряженно размышляя. Я смотрела на неё с последней отчаянной мольбой. Внезапно её взгляд стал решительным. Она наклонилась ко мне ещё ближе и зашептала:

- Слушайте... я сейчас выйду на задний двор, ну вроде по домашним делам. Меня не будет минут пять. А вы... вы просто идите. Дверь я оставлю приоткрытой. Прямо по коридору, вторая дверь налево. Это столовая. Он там. Скажете, что не расслышали меня и подумали, что вас уже ждут. Идите.

Она встала, громко кашлянула и, взяв корзинку со сложенным бельём, вышла через боковую дверь во двор. Моё сердце заколотилось так сильно, что, казалось, его стук слышен по всему дому. Секунду я колебалась, но потом вскочила и, стараясь ступать как можно тише, проскользнула в приоткрытую дубовую дверь.

Коридор был узким и сумрачным. Я прошла мимо первой двери, за которой, судя по запахам, была кухня, и остановилась у второй. Собравшись с духом, я без стука нажала на ручку и вошла.

В светлой, залитой утренним солнцем комнате за столом, накрытым белоснежной скатертью, сидел седовласый мужчина. Перед ним стояла серебряная кофейная пара и тарелка с недоеденным омлетом. Он неторопливо подносил чашку к губам, с явным удовольствием вдыхая аромат свежесваренного кофе, и абсолютно никуда не спешил, а перед ним лежала раскрытая книга.

- Доктор Нойман, - начала я, голос дрожал от напряжения, - мне очень жаль вас беспокоить, но это...

Он медленно оторвал взгляд от тарелки, нахмутив брови.

- Молодая барышня, вас, мне кажется, просили подождать, - произнес он голосом, в котором чувствовалась стальная строгость и легкая нотка упрека, - спешка - это враг здоровья. Мой завтрак - это не просто еда, это ритуал, который обеспечивает ясность ума и точность рук на весь предстоящий день. Разве вам не известно, что суетливость лишь вредит? Любая проблема требует методичного подхода и порядка, а не паники. Что бы ни случилось, оно не станет хуже за пять минут.

- Но вы не понимаете, - воскликнула я, чувствуя, как внутри всё закипает от возмущения и отчаяния. - Мой муж... он может умереть! У него...удар! (я вовремя вспомнила, что для термина "инсульт" рановато по времени)

Доктор Нойман скривился, словно я произнесла что-то крайне неприятное.

- Удар, говорите? - его тон был полон скепсиса, даже презрения. - И откуда такой молодой барышне знать, что там случилось? Вы что, медсестра? Или, может быть, вы сама доктор, чтобы ставить такие диагнозы?

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, а в груди нарастает опасная волна. Вся моя выдержка, которую я так берегла на протяжении всего пути, дала трещину.

- Доктор Нойман, - произнесла я, упираясь ладонями в край стола, так что пальцы побелели. Мой голос стал твёрдым, словно камень, - я никуда отсюда не уйду. И вы поедете со мной. Вы осмотрите мистера Брауна. Прямо сейчас.

В глазах доктора мелькнуло раздражение, а может, и лёгкое удивление от моей дерзости. Он резко отшвырнул салфетку, которая соскользнула на пол.

- Хорошо, - процедил он сквозь зубы, откидываясь на спинку стула. - Если это действительно вопрос жизни и смерти, как вы утверждаете, так уж и быть. Я поеду с вами. Хотя обычно я принимаю пациентов здесь, у себя в кабинете, и строго по предварительной записи. Однако, - его взгляд стал ледяным, - дайте мне закончить мой завтрак. - Не раньше! Иначе я немедленно попрошу выставить вас вон. Мои правила нерушимы.

Я отступила от стола, тяжело дыша. Повернувшись, я вышла из столовой и почти столкнулась с Гретой, которая, видимо, подслушивала у дверей. На её лице было сочувствие, а в глазах - немой вопрос.

- Ну что, мэм? - почти беззвучно спросила она.

- Кое-что. Он поедет с нами, но придется подождать, - выдохнула я, кивнув в сторону столовой.

Лицо Греты прояснилось, а затем она кивнула с решимостью.

- Отлично! Я сейчас же начну готовить его саквояж с инструментами и всё необходимое. Постараюсь, чтобы он собрался побыстрее, - она улыбнулась мне тепло.

- Вы его секретарь? - поинтересовалась я, проявляя вежливость.

Грета лишь загадочно улыбнулась, её голубые глаза озорно блеснули.

- Не совсем, мэм. Просто давняя помощница. И по совместительству - дочь.

Она развернулась и поспешила в другую часть дома, оставляя меня одну в приёмной. Я вышла из дома и остановилась у калитки. Сай ждал меня, стоя рядом с лошадьми. Он выглядел беззаботно, будто и не было этого долгого пути и волнительного утра.

- Ну что, мэм? Всё в порядке? - спросил Сай, его глаза чуть прищурились от утреннего солнца.

Я скривила гримасу, передразнивая доктора:

- "Я поеду с вами только после того, как закончу завтрак". Обжора. Сам сидит, книжку читает и никуда не торопится.

Сай хохотнул невольно.

- Мэм, вот что сделаем... Решил я тут ребятишек и знакомых навестить. Их в салуне можно сейчас застать. Хотите, поехали со мной? Что вам здесь на жаре стоять, ждать этого старого ворчуна? Там варят отличное пиво, холодное как лёд. Прямо из бочки.

Я благодарно кивнула. Предложение Сая было как глоток свежего воздуха. Я и так уже изнывала от ожидания, а перспектива сидеть под палящим солнцем была не слишком привлекательной. Я почувствовала себя выжатой и измотанной.

Мы свернули с тихой, мощеной улицы, где стоял дом доктора Ноймана, и поехали дальше по Фредериксбергу. Было удивительно, как быстро менялся пейзаж вокруг. Казалось, город разделился на две совершенно разные части. Здесь, в районе доктора, царили чистота и порядок, аккуратные дома с резными наличниками и ухоженными палисадниками. Все здесь дышало Германией, её размеренностью и прилежанием. Чуть дальше, словно за невидимой границей, начиналась совсем другая Техасская история.

Улицы стали шире и пыльнее. Дома были построены из грубого дерева, вывески - крупнее и ярче. Здесь было шумно. Раздавалось ржание лошадей, лязг колес телег, доносился отрывистый смех мужчин и женские голоса. В воздухе витал запах пыли, кожи и чего-то крепкого, возможно, виски. Я видела ковбоев в широкополых шляпах, привязывающих своих лошадей к стойкам у зданий, фермеров в рабочих комбинезонах, торговцев, выкрикивающих свой товар. Всё это выглядело настолько картинно и аутентично одновременно, что я невольно подумала, что это больше похоже на декорации из вестерна.

Мы подъехали к зданию, над входом которого висела вывеска, изображающая кружку пива, - "The Lucky Spur Saloon". Изнутри доносилась бойкая музыка и звон бокалов. Я спешила. Сай привязал наших лошадей рядом с десятком других.

- Пойдёмте, мэм, - улыбнулся он, распахивая тяжелую деревянную дверь.

Мы переступили порог, и в лицо мне ударил запах табака, алкоголя и чего-то кислого. Музыка стала громче, голоса слились в гул. Я огляделась.

Мягкий полумрак, царивший внутри, казался спасительной прохладой после ослепительного уличного света, но глазам требовалось время, чтобы привыкнуть.

Вдоль одной стены тянулась длинная, отполированная до блеска дубовая стойка бара, за которой, ловко орудуя стаканами и бутылками, стоял дородный бармен с усами, похожими на щетки. Позади него, в огромном зеркале с витиеватой позолоченной рамой, отражались бесконечные ряды бутылок с алкоголем, расставленных по полкам. На полу, устланном толстым слоем опилок, стояли потускневшие латунные плевательницы, что, впрочем, не мешало некоторым посетителям игнорировать них.

Салун был полон жизни, хотя было раннее утро. Разве все эти люди не должны были работать? За грубыми деревянными столами, покрытыми пятнами, сидели мужчины в широких шляпах и потертых жилетах. Они азартно играли в карты, громко смеялись, обменивались шутками.

Я разглядела золотоискателей (так мне представилось) в пыльных ботинках, ковбоев с хриплыми голосами. В углу - несколько фермеров, которые, казалось, впервые за долгое время выбрались в город - вид у них был довольный, но слегка напряжённый и держались они вместе.

Звон стаканов, скрип стульев, громкие голоса и нестройное бречание пианино из угла, где немолодой мужчина в помятой шляпе наигрывал незамысловатую мелодию, сливались в единый, густой гул.

По стенам висели пожелтевшие плакаты с объявлениями о розыске преступников и афишами каких-то давно прошедших представлений проезжавших здесь бродячих артистов, а над входом я заметила голову оленя с огромными рогами. Было шумно,людно, но при этом чувствовалось какое-то своеобразное радушие и непринужденность. Сай жестом пригласил меня к свободному столику у окна. К нему тут же потянулись один за другим местные жители, начиная здороваться ещё издалека.

Его явно тут знали и любили. Он отвечал каждому, улыбался, перебрасывался парой слов, и вот уже трое мужчин примерно его возраста и старше, с загорелыми лицами и крепкими руками, остались за нашим столом.

Все они не сводили с меня глаз, и мне стало несколько неудобно под их пристальными взглядами. Я отвернулась к окну, делая вид, что меня очень интересует пыльная улица за ним. Но это не помогло.

- Сай, новую подружку отхватил? Ишь какая куколка! - раздался громкий голос прямо рядом со мной.

Я поняла, что Сай под столом, должно быть, наступил ему на ногу, потому что человек громко охнул:

- Ой! Ты чего, дружище?

На мгновение воцарилась тишина, которую тут же прервал чей-то голос - я так и не увидела, кто это был, потому что все еще была отвернута к окну:

- А то самое... Это же супруга мистера Брауна, хозяина Сая. Верно, Сай?

Щеки мои запылали, и мне нестерпимо захотелось покинуть это место прямо сейчас. Но тут подошла молодая женщина с подносом, на котором стояли запотевшие кружки. Она ловко расставила их по столу, и я увидела, что это прохладный эль. Мне до смерти захотелось освежиться после всех переживаний, жары и пыльной дороги. Я сделала несколько жадных глотков и с облегчением выдохнула.

- Ну вот, а болтали, что графиня аглицкая! Девчонка-то наша, свойская, - прозвучал голос откуда-то сбоку.

И вслед за этим по салуну прокатился дружный, раскатистый смех. Я почувствовала, как напряжение медленно отступает, хотя и расслабляться особо не стоило. Через двадцать минут мы должны были сопроводить доктора Ноймана на наше ранчо.

Глава 9

У крыльца доктора Ноймана уже ждала небольшая повозка, когда мы с Саем подъехали к дому. Доктор Нойман вышел из дверей, а через пару минут за ним появилась Грета. Я удивилась, увидев ее - сейчас девушка выглядела совершенно иначе: джинсы, простая рубашка и шляпа, почти точь-в-точь как мой собственный наряд. Только на вид новенький, в отличии от моего перешитого на скорую руку.

- Грета, ты же знаешь, я предпочитаю, чтобы ты выглядела как леди, - проворчал доктор, поправляя очки.

Грета лишь невинно улыбнулась.

- Ну папа, я же буду сидеть на козлах за кучера, какая уж тут леди? К тому же миссис Браун тоже в такой одежде - это просто удобнее в дороге, правда, миссис Браун?

Я серьёзно закивала головой.

Доктор Нойман только махнул рукой, словно отказываясь от дальнейших споров, и, кряхтя, полез в повозку, напоминая собой маленький квадратный бочонок.

Из-за того, что повозка не могла ехать быстро, Сай, который ехал на своем коне рядом со мной, невольно замедлил шаг. Мы поравнялись. Несколько минут он ехал молча, слегка ссутулившись, его взгляд был устремлён вперёд. Я почувствовала, что он что-то хочет сказать, и терпеливо ждала.

- Мэм, вы простите уж меня, - начал он, наконец, его голос был непривычно тихим и смущенным, - за то, что грубо о вас говорил, когда мы нашли вас тогда на конюшне. Это, в общем-то, от хозяина пошло... Дай Бог ему поправиться (он суеверно перекрестился при этих словах) А сейчас я вижу, какая вы молодец, - он поднял на меня взгляд, и в его глазах я увидела искреннее восхищение, - вы уж простите меня за такие вольные речи, но... когда мы все увидели, как вы коня остановили, этого самого Громобоя, - его глаза расширились от воспоминаний, - мы все уж насколько опытные, и то к нему подойти боялись. У него же там огонь из ноздрей, пар из ушей, одним копытом двоих свалить может! А вы такая маленькая, хрупкая... - Сай снова смутился, его щеки слегка порозовели. - Извините, что я позволяю себе это говорить, но просто с того момента я ваш покорный слуга. Если позволите... то есть... я же и так ваш слуга, в общем... - Он неловко засмеялся, и я не удержалась, улыбнувшись в ответ.

Махнула рукой, стараясь выглядеть как можно непринужденнее.

- Ладно, забыли. Спасибо, что принёс свои извинения. Я это очень ценю.

Саймон раскраснелся от моих слов. Он кивнул, что-то пробормотал себе под нос и прищипорил своего коня. Тот рванул вперед, и Сай стремительно умчался вперёд, краснеть без свидетелей.

Я догнала повозку доктора. Мы ехали по пыльной дороге, поджариваемые лучами полуденного солнца. Вокруг простирались бескрайние поля, уходящие к горизонту. Казалось, воздух плавится от зноя, и его легкое дрожание создавало эффект расплывчатого горизонта.

- Очень здесь красиво, - крикнула мне Грета. - Мне и говорили, что здесь, в этой стороне за Фредериксбургом чудные места. Жаль, что так жарко - скоро всё пожухнет. Интересно посмотреть, как вы живете, миссис Браун. - Грета искренне мне улыбалась, а я почувствовала легкое неудобство. Пейзажи вокруг были и впрямь очаровательными, но дом, хозяйство... По сравнению с домиками во Фредериксберге всё казалось ещё более запущенным.

- Боюсь, вы будете разочарованы, Грета, - крикнула я ей в ответ, - мы живём очень просто!

В этот момент из повозки выглянул доктор Нойман, его лицо было все еще хмурым. Он недовольно посмотрел на нас с Гретой

- Хватит там болтать, сорока! - проворчал он, обращаясь к Грете, но как я поняла, это и ко мне относилось. - Не время для праздного щебетания. Нас ждет больной, и каждая минута дорога!

Надо же, видимо его профессиональный энтузиазм мирно дремал во время принятия пищи, как сегодня за завтраком.

Грета и я снова переглянулись, она многозначительно закатила глаза и картинно надула щеки, тайком передразнивая отца. Мы обе чуть улыбнулись. Я легонько прищипорила лошадь.

- Поеду чуть вперед, осталось не так уж много!

Мы спешили у нашего деревянного крыльца, потрескавшегося от солнца, и я тут же почувствовала себя неуютно на своей уже земле. Воздух здесь был совсем другим - густой, пропитанный запахом нагретого дерева и сухой травы, и было гораздо жарче, чем в городе. Почему было не засадить двор деревьями? Было бы гораздо прохладнее.

Пока доктор Нойман с кряхтением выбирался из повозки, а Грета, легко соскочив с козел, поправляла прическу, сняв свою шляпу, я обвела взглядом двор. Сая нигде не было. Сейчас все работники будут знать, что хозяин слёг. А мне бы не хотелось торопиться с этими новостями раньше времени...

- Идёмте, миссис Браун, - доктор был готов к исполнению своих обязанностей. Я кивнула и повела их через террасу к двери.

Едва мы переступили порог, нас встретила Салли. Она стояла посреди небольшой, сумрачной гостиной, сбившись с ног и заламывая руки, её лицо было бледным и искажённым от тревоги. Её обычно аккуратные волосы растрепались, а передник был смят.

- Эйлин! Доктор Нойман! - её голос дрогнул, почти сорвался, когда она увидела нас. - Ох, слава богу, вы приехали! Я уж думала... думала, не дождётся. Ему совсем худо, доктор, совсем! Он... он такой странный, доктор! Как ватная кукла лежит, не двигается, только глаза... глаза его так странно закатываются, а дыхание... ох, это жутко, оно такое хриплое и прерывистое, словно он задыхается! И лицо у него, доктор, всё перекопилось... Мне так страшно! Скажите, он поправится?!

Она тараторила без остановки, её слова сыпались как горох, бессвязные и полные паники. Доктор Нойман выставил руку, мягко, но твердо прерывая её поток.

- Тише, дорогуша. Меньше слов, больше дела. Где больной? - Его голос, спокойный и властный, мгновенно успокоил атмосферу, хотя Салли продолжала мелко дрожать.

- Наверху, доктор, - пролепетала она, указывая на лестницу. - Я постаралась всё прибрать, проветрить...

Доктор Нойман, не теряя ни секунды, направился к лестнице, его тяжёлые шаги гулко отдавались в тишине дома. Мы с Гретой последовали за ним. Комната наверху, предназначенная для больного, действительно была подготовлена. Окно распахнуто настежь, пропуская внутрь хоть какой-то свежий воздух, постель аккуратно застелена, беспорядка не было и следа - Салли явно провела здесь всё это время, ликвидируя запустение и хаос..

В кровати лежал мистер Браун. Его лицо было бледным, искажённым, словно какая-то невидимая сила вывернула его черты наизнанку. Дыхание действительно было тяжёлым, пре-

рывистым, и каждый выдох сопровождался неприятным хрипом. Я смотрела на него, и внутри что-то сжалось. Конечно, скотиной он был порядочной, но смотреть на мучения было тяжело.

Доктор Нойман склонился над больным. Он тщательно, методично осматривал его, проверяя пульс, слушая дыхание через приложенное к груди ухо, осторожно приподнимая веки, чтобы взглянуть на глаза.

Наконец, доктор Нойман выпрямился, опустил руки и издал тихий, задумчивый хмык. Он повернулся ко мне, и его взгляд был пронизательным, словно он пытался заглянуть мне прямо в душу.

- А вы, миссис Браун, - произнёс он, слегка прищурившись, - на самом деле, видимо, имеете медицинское образование? Это, действительно, серьёзный апоплексический удар.

- Просто уже видела такое, - медленно ответила я, - и что вы можете сказать? Он поправится? Сможет восстановиться?

Доктор задумался.

- М-да, - взгляд его скользнул по мне. - Прогнозы, миссис Браун, не слишком обнадеживающие, учитывая... - он сделал жест рукой в воздухе, словно указывая на еще висящий в комнате запах виски, - ...образ жизни. И возраст, конечно.

Он отошел от кровати, подошел к столу и начал доставать из своего саквояжа какие-то склянки и небольшие инструменты.

- Надежда есть всегда, - произнес он, брякая содержимым саквояжа. - Но это потребует вашего неустанного ухода, миссис Браун. Мои рекомендации должны быть выполнены неукоснительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.